

Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы [1]

А.Л. Соболев

Аннотация: Впервые печатаются мемуарные очерки журналиста, театрального критика и библиофила Сергея Георгиевича Кара-Мурзы (1878–1956), которые должны были войти в его недописанную (или несохранившуюся в полном виде) книгу «Литературные воспоминания». В предлагаемых главах — рассказы о встречах с Чеховым, очерки о «трагической фигуре русской литературы» А.М. Моисеевой (Мирэ), не менее трагической судьбе Ал.Н. Чеботаревской и о Ю.К. Балтрушайтисе. Публикация предваряется кратким очерком его биографии. Продолжение мемуаров — в следующем номере ЛФ.

Ключевые слова: русская литература начала XX в., С.Г. Кара-Мурза, Чехов, А. Мирэ (Моисеева), Ю.К. Балтрушайтис, Ал. Н. Чеботаревская, литературные воспоминания

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь. Москва. E-mail: trirodov@gmail.com

Весной 1940 года, опасливо собираясь претендовать на скромнейший статус члена советского Литфонда и больше всего страшась публичного конфуза («могу ли я, без риска быть забаллотированным на старости лет»¹ etc), писатель Сергей Георгиевич Кара-Мурза (1878–1956) составил список своих публикаций. Для такого официального случая их нашлось ровно восемь: шесть статей, одна книга и один составленный сборник; первая из них датирована 1914-м годом, последняя — 1939-м. Демонстративная скудость этой автобиблиографии объяснялась сочетанием нескольких причин: с одной стороны, значительная часть его публицистических работ не стоила упоминания по условиям времени; с другой — как будто злой рок тяготел над всеми десятилетиями его литературного труда, не давая воплотиться значительным замыслам, останавливавшимся на разных стадиях.

«Сергей Георгиевич Кара-Мурза (журналист). Родился 29 января 1878 года в г. Симферополе (армяно-григорианского вероисповедания). Отец был купцом, вел торговлю шерстью. В роду вы-

¹ Из письма С.Г. Кара-Мурзы В.Г. Лидину от 7 апреля 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 2. Ед. хр. 92. Л. 3. Почти аналогичный текст был в тот же день отправлен И.А. Новикову (РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 4. Ед. хр. 680. Л. 3–3 об.).

дающихся людей не было. Воспитывался в Лазаревском институте восточных языков в Москве, где окончил курс в 1899 г. Высшее образование получил в Московском университете по юридическому факультету, по окончании которого в 1903 г. записался в помощники к известному адвокату, ныне члену Государственной Думы Н.П. Шубинскому. С 1908 г. состоит присяжным поверенным округа Московской судебной палаты, занимаясь гражданской практикой. Журнальную деятельность начал еще с гимназической скамьи, печатая библиографические заметки в газете “Новости дня” и журнале “Семья”. В 1901 г. работал в статистическом бюро при Таврическом земстве под руководством С.М. Блеклова. В 1900 г. принял участие в составлении “Галереи русских писателей”, изданной в Москве С. Сирмунтом под редакцией И. Игнатова, для которой написал более 25 литературных характеристик. В 1900–1903 гг. посещал собрания известного литературного салона В.А. Морозовой, где неоднократно читал рефераты. В 1902 г. в Московском литературно-художественном кружке сделал доклад “О драматических произведениях А.П. Чехова”, вызвавший оживленные прения, растянувшиеся на два вечера. В 1909 г. совершил первую поездку за границу и посетил города Германии и Франции. В 1910 г. совершил путешествие по Бельгии, Англии и Голландии. В 1911 г. посетил Австрию и в 1913 г. — Северную и Южную Италию. Кроме названных выше газет, сотрудничал в следующих изданиях: “Курьер”, “Московский вестник”, “Русское слово”, “Русская мысль”, “Путь”, “Новый путь”, “Век”, “Современник”, “Парус”, “Час”, “Московская газета” и др. В настоящее время подготавливает к печати одновременно две книги: 1) сборник литературно-критических статей и 2) собрание фельетонов о городах Европы, встречах и впечатлениях. До последнего времени пишет в различных московских газетах прогрессивного направления статьи по вопросам литературы, искусства и текущей жизни под следующими псевдонимами: К. Мур, Бумлер, Книжник, Саддукей. В 1906 г. им основано литературно-философское издательство “Дилетант”, которым выпущены в свет: “Наоборот” Гюисманса, “Калибан” Ренана, “Душа человека при социализме” Оскара Уайльда, “Пир” Платона, “Мое обнаженное сердце” Бодлера»².

Эта краткая автобиография (единственная известная на сегодняшний день³), написанная в куда более свободные годы, нуждается

² Автобиография 1913 г. См.: Автобиографии деятелей книги в собрании С.А. Венгерова. Публикация М.Д. Эльзона // Книга. Исследования и материалы. Сборник ХХІХ. М., 1974. С. 156–157. Ни один из двух анонсированных авторских сборников в свет не вышел.

³ Несмотря на все старания, нам не удалось ознакомиться с личным делом Кара-Мурзы, хранящимся в РГАЛИ (Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 2589) и ожидающим истечения 75-летнего срока со дня его смерти.

ся в некоторых комментариях. Несмотря на задатки архивариуса и систематический склад ума, Кара-Мурза оставил материалы к собственной библиографии в сугубо беспорядочном виде. Основу их составляет грандиозное собрание вырезок его статей, напечатанных в разных газетах⁴, но почти все они — без обозначения источников, так что главным результатом их сквозного просмотра оказывается расширенный каталог псевдонимов, под которыми автор выступал в печати: С. Кармин, Сергеев, Саддукей, Книжник, Факир, К. М., С., Бумлер, К. Мурзин, Друг, Карамзин, Б-ер, К. Мур, М., Фальстаф, Б., С. Крымский, Анатолий Х., Ар. Пр.

С одним из них связана дополнительная загадка: в 1905 и 1912 годах в Санкт-Петербурге вышли две книги, подписанные «К. Мурр» (где «К», конечно, означает «Кот»): от известного и даже зафиксированного в словаре Масанова псевдонима Кара-Мурзы подпись отличается удвоением конечного согласного. Первая из книг, комедия в 3-х действиях «По Домострою» (СПб., 1905), представляет собой остроумный, хотя и довольно безыскусный скетч из усадебной жизни. Вторая — «Сборник рассказов» (СПб., 1912), содержит, среди прочего, два изящных очерка о путешествии в Венецию и вполне гофманианскую миниатюру о пожилом антикваре, обнаружившем среди старого хлама бесценную икону. И петербургские, и московские библиографы безусловно атрибутируют эти книги нашему герою (а в каталоге РНБ наличествует даже выпущенная в 1951 г. типографская карточка, раскрывающая этот псевдоним) — между тем, ни в его бумагах, ни в автобиографических материалах нет следов подготовки этих изданий.

Другая заметная особенность его ранней критической прозы — приязненное внимание к литературе русского модернизма. Перу Кара-Мурзы принадлежит, например, один из первых сторонних сочувственных отзывов об Андрее Белом: откликаясь на «Несколько слов декадента...», он, в частности, писал: «Знакомо ли вам это имя? Оно мелькало иногда в газетах, главным образом в статейках о различных декадентских вылазках. Ему принадлежит некая “Симфония” — странная смесь памфлета с изящным, чисто-лирическим романом, пересыпанным довольно поэтичными образами и метафорами. В его статьях, подчас напыщенно фальшивых, нередко слышны искренние нотки»⁵. Среди наиболее заметных его выступлений в этой области — пронциательная статья-некролог о Коневском, содержащая не только высокую оценку творчества покойного автора («в лице погибшего поэта мы потеряли необыкновенно тонкий, оригинальный, я бы сказал — благоуханный талант»), но и похва-

⁴ РГБ. Ф. 561. Карт. 17. Ед. хр. 1 («Мои статьи на литературные темы»).

⁵ Бумлер. Открытое письмо декадента // Новости дня. 1903. № 7191. 14 июня. С. 5.

лы другому, столь же непризнанному поэту: «Он нередко употребляет архаические русские слова, из боязни банальным обиходным словом навлечь оттенок будничной пошлости на изображаемый предмет. В этом отношении Коневской несколько напоминает другого, также мало известного, но весьма оригинального поэта Вячеслава Иванова»⁶.

При этом, в согласии с особенностями эпохи, главное его участие в литературе было не столько творческим, сколько биографическим: с начала 1900-х годов адрес квартиры, принадлежавшей ему и его жене, М.А. Кара-Мурзе (урожд. Головкиной, в первом замужестве Гончаровой) сделался одним из важных пунктов московской богемной топографии.

«В доме московского адвоката Сергея Георгиевича Кара-Мурзы к литературе относились с благоговением. Все, связанное с писателями, было в этом доме овеяно поэтической дымкой.

В прихожей огромной квартиры в доме страхового общества “Россия” на Сретенском бульваре в Москве посетителя встречал невысокий, милейший по своим душевным качествам хозяин. С мальчишески-румяными блестящими щеками, с живыми умными глазами на круглом лице, весь как-то уютно сбитый, Сергей Георгиевич умел создавать высокое литературное настроение на своих “вторниках”. “Вторники” Кара-Мурзы были в годы, предшествовавшие революции, популярны в литературной Москве. Они следовали традициям московских литературных салонов, даже своим названием повторяя знаменитые “вторники” поэтессы прошлого века Каролины Павловой, о которых осталось немало воспоминаний.

“Вторники” Кара-Мурзы были, конечно, скромные и ни на какие литературные аналогии не претендовали. Это было просто чтение писателями своих произведений за большим чайным столом, и

⁶ *Крымский С.* Неизвестный поэт // *Семья*. 1904. № 6. 8 февраля. С. 10, 11. Позже его отношение к Иванову переменится: «Чем-то затхлым и фальшивым несет от всех этих умопостроений отвлеченного теоретика. Вяч. Иванов — человек не без способностей, но он придушил в себе все свежие ростки непосредственного литературного дарования безжизненным педантизмом и сухим гелертерством однобокого германского типа.

Это — Вагнер из “Фауста”, наивный буквоед наших дней, целые годы просяживающий в Риме за древними фолиантами ватиканской библиотеки, а потом в Москве, на Зубовском бульваре, измышляющий на основании добытой за границей католической премудрости квазиновые, абстрактные теории об искусстве, о поэзии, о ритме и вот теперь о театре. Увы, все эти мудреные ивановские теории лишены даже кажущейся внешней прелести новизны. Лет шесть-семь тому назад, все в Петербурге и Москве были помешаны на соборности искусства, и только тот, кому было лень, не философствовал на тему о церковности и театральности» (*Кара-Мурза С.Г.* Театр и церковность // РГБ. Ф. 561. Карг. 8. Ед. хр. 6. Л. 1–2).

почти все новое, возникавшее в литературе, не миновало этих “вторников”; тот или другой молодой писатель появлялся в очередном порядке у Кара-Мурзы и уходил обычно от него обласканным»⁷.

Летописи этих собраний не велось, а повестки выпускались occasionally, так что судить о темах собеседований и составе участников можно лишь приблизительно. Так, среди писем Кара-Мурзы к С.П. Боброву сохранились приглашения на доклады С.Я. Рубановича «Демонизм Лермонтова» (2 декабря 1914 г.), Б.М. Рунт «Скорбная улыбка» (о стихах Анны Ахматовой) (9 декабря 1914 г.), самого С.П. Боброва «Бумажный городок» (о творчестве А. Белого) (23 декабря 1914 г.) и А.Ф. Струве — «Ритм и динамика в искусстве» (17 февраля 1915 г.)⁸.

Еще в меньшей степени поддаются учету знакомые и гости Кара-Мурзы: так, документально зафиксировано знакомство с Б.К. Зайцевым⁹, Н.Е. Пояровым¹⁰, А.Н. Емельяновым-Коханским¹¹, М.А. Во-

⁷ *Лидин В.Г.* Друзья мои — книги. М., 1976. С. 149.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 35. О тексте сообщения Б.М. Рунт можем судить по публикации (*Рунт Б.* Скорбная улыбка. О стихах Анны Ахматовой // Женское дело. 1914. № 9. С. 11–12), статья Боброва также напечатана (*Бобров С.* Бумажный городок // Современник. 1914. № 12. С. 240–247); остальные нам неизвестны.

⁹ «К[ара]-Мурзу зовут Сергей Георгиевич, как будто ваш сын, — но похож больше на московский каравай или каменную бабу из Истор[ического] музея. [...] Адрес Кара-Мурзы: Петровка, Салтыковский пер. д. Головкиной, кв. 1» (письмо к Г.И. Чулкову от 17 октября 1906 г. // *Зайцев Б.* Собрание сочинений. Т. 10. Письма. 1901–1922 гг. М., 2001. С. 30; адрес позже переменялся). Ср. кстати другой, более комплиментарный портрет: «Одним из ярких членов был С.Г. Кара-Мурза. Очень темпераментный, с лицом татарским, с очень красивыми черными глазами, С. Г. часто выступал у нас с прекрасными докладами. [...] Вот песенка моего сочинения: Кара-Мурзе в дни юбилея / Дарю я песню и припев. / На книжной нашей ассамблее / Мне не пришлось прочесть их нараспев. / Мы любим все Мурзу как брата / Он в теле и в душе поэт. / Кара-Мурза — дезидерата, / Кара-Мурза — наш раритет» etc («Бесконечно дорогое, родное и любимое дело»: дневник букиниста и коллекционера Э.Ф. Ципельзона / Публ. и предисл. О. Андреевой // Библиофилы России. Альманах. М., 2009. Том VI. С. 284–285).

¹⁰ Ср. в его письме к В.И. Стражеву от 9 февраля 1913 г.: «В четверг на чтении в литературном салоне П.К[ожевникова], где Кожевников прочел рассказ и несколько миниатюр и был прочитан рассказ М. Криницкого. [...] Вечер прошел оживленно — прели и прели (было душно и накурено). Из новых был Крачковский с каким-то приятелем и некий Топорков, из новых дам к моему ужасу не было ни одной новой, но зато не было и Кара-Мурзы» (РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 1. Ед. хр. 373. Л. 14–14 об.).

¹¹ «Сегодня в редакцию пришел ко мне Емельянов-Коханский. Вздолнованный, обиженный, он резко выражал мне свое неудовольствие по поводу того, что я рассказывал о стихах Брюсова, напечатанных в его книге. Ему передал

лошины¹², В.Ф. Ходасевичем и А.И. Ходасевич¹³, И.Г. Эренбургом¹⁴, В.М. Инбер, А.Н. Толстым¹⁵ и многими другими¹⁶. Значительно расширить этот круг позволили недавно обретенные альбомы кружка: в биографическом перечне, сопровождающем их предварительное описание, значатся шестьдесят пять имен¹⁷. При этом вынужденная неполнота его (часть альбомов утрачена) вполне очевидна — так, хронологически первый из известных нам мемуарных очерков Кара-Мурзы посвящен отсутствующему в них Н.Н. Сапунову¹⁸.

В этом очерке хорошо видна складывающаяся воспоминательная манера автора: сочетание личных наблюдений, инкорпорирован-

об этом (неизвестно зачем) Кара-Мурза» (*Аишукин Н.С.* Заметки о виденном и слышанном / Публ. и коммент. Е.А. Муравьевой // Новое лит. обозрение. 1999. № 36. С. 143).

¹² См. его письмо к матери от 5/28 октября 1911 г. // *Волошин М.* Собр. соч. М., 2010. Том 9. Письма 1903–1912. С. 631 (публ. В.П. Купченко и А.В. Лаврова).

¹³ Ходасевич передавал жене привет от Кара-Мурзы с пометой «видел его в трамвае» (письмо от 8 февраля 1922 г. // РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 15). На рубеже 1910-х и 20-х годов обсуждался план пребывания А.И. Ходасевич на даче (?) Кара-Мурзы, ср. в ее недатированном письме к мужу: «Сейчас подали письмо от М.А. Кара-Мурзы. Вот его содержание:

“Дорогая Анна Ивановна!

Очень извиняюсь, что долго не могла Вам ответить: была больна, — очень тяжело переживаю потерю отца. Из нашего проекта, очевидно, ничего не выйдет: Сережа ни в каком случае не соглашается брать с Вас деньги. Будем очень рады если приедете погостить. Целую Вас. Ваша М.К.М.”

Вот тебе и фунт! Что мне теперь делать? Фраза “из нашего проекта очевидно ничего не выйдет” мне ясно [sic] что Сер. Георг. не хочет, чтобы я жила целый месяц, “погостить” — это три дня» (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 5–6).

¹⁴ Ср.: «Зимой 1917/18 года мы часто бывали у С.Г. Кара-Мурзы, верного и бескорыстного друга писателей; там мы ужинали, читали стихи, говорили о судьбе искусства» (*Эренбург И.* Люди. Годы. Жизнь. М., 1990. Т. 1. С. 151).

¹⁵ Ср.: «На квартире у С.Г. Кара-Мурзы мне было тепло и уютно. Тепло шло от самого хозяина и от хозяйки, Марии Алексеевны. Помню, А.Н. Толстой читал в доме Кара-Мурзы свою повесть “День Петра”» (*Инбер В.М.* Страницы дней перебирая... М., 1977. С. 322).

¹⁶ Ретроспективные впечатления многолюдности собраний рождали в мемуарах второго порядка некоторые химеры на манер следующей: «Алчная хроника изустной мемуаристики рассказывала, как там мирились-ссорились Валерий Брюсов и Андрей Белый, поочередно, а то и вместе сопровождавшие “недостойную их” (а может, как раз достойную?) разлучницу-красавицу по имени, кажется, Нелли» (*Данин Д.* ...и Андрей Гончаров (Из «Книги без жанра») // Панорама искусств. [Вып.] 13. [М., 1990]. С. 359; вряд ли нуждается в комментарии нежизнеспособный гибрид Н.Г. Львовой и Н.И. Петровской).

¹⁷ *Адашкина Н.Л.* Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // Третьяковские чтения. 2012. Материалы научной конференции. М., 2013. С. 173–176.

¹⁸ Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. М., 1916. С. 27–38.



С.Г. Кара-Мурза

ных в текст документальных источников, исторических анекдотов, искусствоведческого анализа, записанных с чужих слов эпизодов и широких обобщений. Несколько лет спустя, подступая к широкому мемуарному полотну, сам Кара-Мурза так охарактеризовал выходящий из-под своего пера текст:

«То, что я хочу предложить сегодня вашему вниманию, не является ни книговедческим докладом, ни историческим очерком. Это глава из книги моих воспоминаний, в которой есть, однако, элементы и первого и второго.

Она написана в плане мемуарном, в котором автора интересуют столько же людские дела и труды, сколько и сами люди, личности с их оригинальной индивидуальностью и неповторимым своеобразием.

Рассказ мой ведется, так сказать, елочкой, с отклонениями от главной темы то влево, то вправо для изложения попутных воспоминаний и пришедших на память эпизодов»¹⁹.

Утратив в 1917-м году адвокатскую практику одновременно с привычным образом жизни («Сенат закрыт рукой Фортуны... / Доходных дел уж больше нет / И я по милости коммуны / Из адвоката стал поэт»²⁰), Кара-Мурза неожиданно приобрел новое применение своим талантам, сделавшись участником и летописцем Русского общества друзей книги. Именно с работой РОДК связано возникновение ряда его мемуарных текстов, первоначально писавшихся в качестве докладов на заседаниях. Так, 11 декабря 1925 г. состоялся вечер, посвященный 25-летию издательства «Скорпион», к которому была подготовлена выставка скорпионовских книг и графических материалов²¹. Кара-Мурза произносил вступительное слово и оглашал приветствие от одного из близких к издательству лиц, перед которым отчитывался три дня спустя:

¹⁹ *Кара-Мурза С.Г.* Русское общество друзей книги (Московские библиофилы). Воспоминания. М., 2011. С. 9.

²⁰ Там же. С. 178.

²¹ *Марков А.* Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004. С. 318.

«Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Чрезвычайно приятно было получить от Вас письмо и приветствие С.А. Полякову. Правление Общества Друзей книги приносит Вам свою искреннюю благодарность. Заседание прошло очень удачно и оживленно. Почти с исчерпывающей полнотой была представлена выставка изданий “Скорпиона”, имевшая очень большой успех и вызвавшая волнующие воспоминания людей моего возраста. Ваше приветствие пришлось огласить мне, т.к. я имел возможность еще накануне ознакомиться с ней [sic], проштудировать ее и прорепетировать исполнение. Несмотря на мое далеко не выразительное чтение, за которое я просил у слушателей снисхождения, Ваше приветствие произвело очень глубокое впечатление; письмо было выслушано с большим вниманием. За стол президиума были приглашены: С.А. Поляков, И.М. Брюсова, Феофилактов, П. Кузнецов, Эттингер и Шик. Приветствия были произнесены от Академии Художественных Наук, от П.С. Когана, Союза Писателей, Художественного Театра, Публичной Ленинской библиотеки, Книжной Палаты, Ленинградского Общества Библиофилов и др. Союз Писателей подарил С.А. [Полякову] Энциклопедический словарь. У Правления нашего Общества возникла мысль издать брошюру — памятку, посвященную “Скорпиону”, в которой мы предполагаем, — с Вашего разрешения — поместить Ваше приветствие. В заседании были помянуты Брюсов, Блок и Ликиардопуло (Вам, вероятно, известно, что он недавно умер в Англии в больнице для душевнобольных и похоронен в Брайтоне).

Что касается вопроса, затронутого Вами в письме ко мне о возможности издания Ваших воспоминаний в Москве, то мне за сутолокой не удалось поговорить с С.А. Сделаю это на днях.

После заседания в Союзе писателей был банкет, в котором участвовало до 70 человек.

Посылаю Вам на память повестку.

С искренним к Вам уважением

С. Кара-Мурза

P.S. Не будете ли Вы, Борис Николаевич, так добры как-нибудь прочесть в нашем обществе доклад? Чем его тема будет интимнее, тем он дороже для нас.

СКМ»²².

Упомянутая в письме брошюра так и не вышла (сохранилась лишь обычная родковская памятка-повестка), но сам текст вступительного слова уцелел²³. Несмотря на его юбилейную функцию

²² Письмо к А. Белому от 14 декабря 1925 г. // РГБ. Ф. 25. Карт. 27. Ед. хр. 10а. Л. 1–2 об.

²³ РГБ. Ф. 561. Карт. 1. Ед. хр. 4. Текст будет помещен в следующем номере «Литературного факта».

нальность, он написан той же, по собственному определению автора, «елочкой» — с многочисленными экскурсами сугубо мемуарного характера. В схожей манере выдержаны и другие воспоминательные речи Кара-Мурзы, формальным поводом для которых служили отмечаемые юбилеи — о художнике Модесте Дурнове в том же РОДК, о Брюсове — в мемуарной секции Союза Писателей, о Чехове — в Доме ученых²⁴. Постепенно примеряемая им на себя роль хранителя культурной памяти (в шуточной цеховой газете с озорным названием «Неправда» он был назначен исполнителем «мемуарного романса» из «Русалки» Даргомыжского: «Мне все здесь на память приводит бывшее»²⁵) заставляет его все чаще выступать в качестве критичного респондента, расшифровывая для младших современников забытые имена малозаметных участников литературной жизни. Заполняя деизидераты комментария Н.С. Ашукина к дневникам Брюсова, Кара-Мурза создает сюжетные маргиналии на полях именного указателя: «Хесин. Очень скоро отошел от декадентов и превратился в заурядного газетного сотрудника, вернее, рекламного работника в Петербурге. В настоящее время за растрату казенных денег приговорен к 5 годам тюрьмы»²⁶; «А.Ф. Филиппов (Алексей Фролович). Бывший адвокат, помощник Алекс. Ив. Урусова. Соредатор и соиздатель “Русского обозрения”. Во время войны — владелец петербургской банкирской конторы. После октябрьского переворота — один из виднейших сотрудников петербургского ЧЕКА. В Москве организатор учреждения под названием “Исполкомдух” — призванного было регулировать деятельность духовенств всех вероисповеданий. Вскоре учреждение было ликвидировано и Фил[иппов] арестован. По освобождении он выступил с проектом скупать за границей все долговые обязательства России за бесценок. Был выслан в Ярославль. По возвращении служил в Деткомиссии. Женат на сестре Ф.Э. Дзержинского, которая тоже была выслана»²⁷ etc.

²⁴ Перечислены в письме к С.Н. Дурылину от 17 июля 1942 г. (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 547. Л. 3–5).

²⁵ Неправда. Газета не ежедневная и не дельная, неполитическая и беспечельная, беспартийная и беспринципная, непечатная и нестереотипная. 16 ноября 1923. № 1 // РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 1870. Л. 1 об.

²⁶ Письмо к Н.С. Ашукину от 5 июня 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 278. Л. 5. Восемь лет спустя он снова вспомнит об этом неприметном герое: «Хесин Николай Павлович. В ту пору гимназист-декадент из компании бр[атьев] Койранских. Впоследствии театральный критик, журналист. Сейчас живет в Москве» (письмо от 3 июля 1935 г. // Там же. Л. 11 об.).

²⁷ Письмо к Н.С. Ашукину от 5 июня 1927 г. // Там же. Л. 6. Здесь, увы, не место говорить о манящей биографии этого эпизодического вкладчика «Весов». Экземпляр печатного издания брюсовских дневников, поднесенный Ашукиным с инскриптом «Сергею Георгиевичу / Кара-Мурза / в знак истинного уважения / Ник. Ашукин / 12 VI 1927 / Москва», описан: *Молодяков В. Во-*

В середине 1920-х годов Кара-Мурза работает над книгой о писательских суицидах, которая также должна была включать несколько мемуарных очерков. 9 июня 1927 года он при посредстве М.А. Цявловского предлагал ее для публикации в издательство Сабашниковых:

«Дорогой Мстислав Александрович!

Прошу Вас об одном одолжении. Не будете ли Вы так добры рассмотреть с Вашими товарищами по редакции и ответить мне на следующий вопрос: могу ли я рассчитывать выпустить в издательстве Сабашниковых заканчиваемую мной книгу “Писатели-самоубийцы”, написанную главным образом на основании личных воспоминаний и впечатлений. В этой книге мной излагаются материалы к биографии писателей и поэтов-самоубийц, их литературная характеристика (вкратце), мотивы их личной драмы, последние часы жизни, предсмертные записки, способ самоубийства и пр. Я пишу о следующих литераторах: С.Н. Елеонский, А.И. Косоротов, И.И. Зачесов, Д.В. Ульяновский, И.А. Скворцов, Л.М. Родионов, М.П. Свободин, Виктор Гофман, Лозина-Лозинский, И.В. Игнатьев, Анастасия Чеботаревская, Александра Чеботаревская, Анна Мар, Н.Г. Львова, Муни, Бор. Савинич, Бор. Койранский, И.И. Шукин, Н.П. Лопатин, Ф. Купчинский, В.П. Обнинский, И.А. Коновалов, Н.Л. Тарасов, Б. Ропшин, Ник. Кузнецов, С.С. Раевский, Есенин, Андрей Соболев.

Всего 28 очерков. Книга листов на 12. При желании можно взять часть — наиболее крупные имена. На тот случай, если бы издательство приняло мое предложение, — я бы хотел, чтобы кем-либо из историков литературы было написано предисловие, в котором были бы указаны самоубийства писателей в 19 веке: Радищева, Милькеева, Гаршина, Ник. Успенского, Фета (?) и др. В прошлом году мою работу хотел издать “Колос”. И Фер. Ив. Витязев заручился согласием проф. Бехтерева написать к ней предисловие. Но “Колос”, как Вам известно, засох...

Буду Вам очень признателен за ответ.

Жму В[ашу] руку

Ваш С. Кара-Мурза»²⁸.

круг Брюсова: инскрипты и маргиналии // Библиофилы России. Альманах. М., 2016. Т. XII. С. 124.

²⁸ РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 41. Л. 1–2. Из перечисленных авторов, кажется, неочевидны прозаик Иван Иванович Зачесов (1870–1910), редактор журнала «Женское дело» Лев Михайлович Родионов (?–1915), журналист, критик и поэт Борис Павлович Савинич, прозаик и публицист Иван Андреевич Коновалов (1883–1911), поэт Николай Адрианович Кузнецов (1904–1924). С.С. Раевский — вероятно, Савелий Семенович Раецкий (1883–1925). О М.П. Свободине см. далее. И.А. Скворцов нам неизвестен.

По всей вероятности, книга полностью написана не была — в архиве сохранилось лишь несколько ее глав (в частности, о Муни, Игнатеве и Александре Чеботаревской); некоторые ее герои с разной степенью подробности упоминаются в других мемуарных текстах.

В 1929 году он предпринял еще одну попытку напечатать значительный автобиографический комплекс, обратившись к Б.П. Козьмину:

«Вы как-то любезно предложили мне дать что-нибудь в редактируемые Вами издания; но что я мог Вам дать, я, дилетант, интересующийся театральными и литературными (отчасти) темами. Но просматривая недавно мои дневники и записки, которые я в течение многих лет вел в молодости, я подумал, что кое-что можно было бы из них использовать, в частности, дневник 1905 года. В будущем году будет четвертьвековой юбилей этого года, который несомненно вызовет к себе повышенный интерес. У меня сохранился дневник за весь этот год, — все 365 дней, — веденный изо дня в день самым подробнейшим образом. Он не блещет ни литературными, ни иными какими-либо достоинствами; но в нем, по просту и без затей, совершенно объективно и строго беспристрастно, можно сказать, протокольно, отражен весь ход нарастающих событий, приведших к революции. Очень много места уделено рабочему движению, 9 января, гапоновщине, аресту Горького, забастовкам, демонстрациям, террористическим актам, аграрным волнениям, процессу Каляева, восстанию Потемкина, октябрьской забастовке, вооруженному восстанию и пр.

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы прочли хотя бы одну или две главы (которые переписаны на машинке) и откровенно высказали свое мнение: представляет ли дневник какой-либо интерес и можно ли из него что-нибудь сделать»²⁹.

Этот план также не увенчался успехом — более того, насколько можно судить по слегка обиженному тону следующего письма («Очень Вам благодарен за то, что Вы взяли труд просмотреть мою рукопись. Я никак не рассчитывал поместить дневник в редактируемых Вами изданиях»³⁰), отказ носил достаточно демонстративный характер.

Еще одним стимулом к тому, что в частной переписке Карамурза называл «развертывать свиток своих воспоминаний»³¹, служило активное его сотрудничество в зарубежной прессе. Отвергая

²⁹ Письмо от 1 июля 1929 г. // РГБ. Ф. 520. Карт. 44. Ед. хр. 93. Л. 1–2.

³⁰ Письмо от 6 августа 1929 г. // Там же. Л. 3. Сохранилась машинописная копия дневника за 1905 г.: РГБ. Ф. 561. Карт. 1. Ед. хр. 1.

³¹ Письмо к Н.С. Ашукину от 3 июля 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 278. Л. 12.

очевидную и нарастающую небезопасность этого занятия, он как минимум до середины 1930-х годов вел обширнейшую и, кажется, ничем не стесненную переписку с заграничными корреспондентами. Иногда она касалась простого книгообмена (так, благодаря Кара-Мурзе Д.Д. Бурлюк получил давно чаемый «Кипарисовый ларец», выслав в ответ новинки собственного книгоиздательства³²), но чаще была связана с выступлениями в иностранной периодике. Рекомендуясь в 1933 году актрисе Н.Э. Трухановой (Игнатъевой) в качестве историка театра, Кара-Мурза сообщал: «Ввиду того, что моя книга еще не скоро увидит свет, я стараюсь опубликовать отдельные ее главы в периодических изданиях, как советских, так и заграничных. Так напр.: в № 11 римского журнала “Scenario” помещена моя статья об Элеоноре Дузе³³, в № от 10 марта с.г. парижской газеты “L’ordre” напечатан мой очерк о Рашель, в Нью-Йоркском журнале “Crisis Magasin” опубликована моя работа об Ольдридже»³⁴.

³² Ср. в письме Кара-Мурзы к М.Н. Бурлюк от 5 февраля 1934 г.: «Чрезвычайно приятно было получить комплект Ваших последних изданий, из которых некоторые я видел в Литературном Музее Маяковского, но многое было для меня совершенно ново. Из этих материалов я вижу, что у Вас такое обилие всяких мемуаров о Давиде Давидовиче, что мои ничтожные воспоминания, человека совершенно постороннего футуристическому движению и интересовавшегося им только в качестве объективного наблюдателя, должны показаться неуместными и вызвать недоумение. Поэтому, я думаю, будет лучше, если я воздержусь от присылки их Вам, — как думаете Вы?

“Кипарисовый ларец”, — как Вам известно, принадлежит к числу очень редких библиографических раритетов, но я приложу все усилия, чтобы найти его и прислать Вам в знак моей глубочайшей признательности Вам. Не откажите сообщить мне хотя бы открыткой другие Ваши книжные desiderata. Быть может, мне удастся найти что-нибудь поскорее, — раньше Анненского» (РГБ. Ф. 372. Карт. 12. Ед. хр. 32. Л. 1 об.–2). Некоторое время спустя Н.М. Бурлюк отвечала: «“Проза” Маяковского — если не затруднительно и “Кипарисовый ларец” — буду очень благодарна за присыл» (РГБ. Ф. 561. Карт. 18. Ед. хр. 25. Л. 1). Просьба была выполнена; ср. в письме Д.Д. Бурлюка к Н.А. Никифорову от 16 ноября 1957 г.: «книгу Анненского Марусе в 1932 [sic!] г. прислал Кара-Мурза из Москвы» (*Бурлюк Д.Д. Письма из коллекции С. Денисова*. Тамбов, 2011. С. 135).

³³ Важным посредником между Кара-Мурзой и итальянской периодикой служил Э. Ло Гатто, которого ему в 1931 г. рекомендовал Б. Грифцов; см. письма Кара-Мурзы к Ло Гатто (РГБ. Ф. 561. Карт. 18. Ед. хр. 7) и ответные: РГБ. Ф. 561. Карт. 19. Ед. хр. 17. В частности, 5 июня 1932 г. Ло Гатто писал: «Статья о Элеоноре Дузе в России может быть очень интересна итальянцам и потому прошу Вас прислать ее мне немедленно. Я сам займусь ее переводом и позабочусь, чтобы она была напечатана в большом итальянском журнале “Scenario”» (Там же. Л. 1–1 об.).

³⁴ Письмо от 30 июня 1933 г. // РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Ед. хр. 1177. Л. 1–1 об.

По всей вероятности, к середине 1930-х годов вызрел замысел итоговой мемуарной книги, рукописное оглавление которой (беловой и черновой варианты) сохранилось в архиве:

- «1. Улыбки писателя (Воспоминания о А.П. Чехове)
2. Чехов и Потапенко
3. Чехов и журфиксы С.П. Кувшинниковой (неопубликованные дневники и альбом “Попрыгуньи”)
4. А.М. Горький и интервью (о поэзии Некрасова)
5. Леонид Андреев (газета “Курьер”, В.П. Потемкин, Фриче, Коган, Шулятиков)
6. В.Я. Брюсов
7. Ю.К. Балтрушайтис
8. А.И. Сумбатов
9. Н.Д. Телешов
10. В.А. Гиляровский
11. А.И. Урусов и его пушкинский словарь
12. В.М. Дорошевич
13. Н.Е. Эфрос
14. С.С. Голоушев
15. Мирэ
16. Букинист Астапов
17. Прототипы романа “Что делать” (М.А. Сеченова)
18. Литературный салон В.А. Морозовой
19. Московские библиофилы (Русское общество Друзей Книги. 1920–1930 г.)»³⁵.

Палеографическая и эдичионная судьба этих глав складывалась по-разному. Так, очерк о Горьком был напечатан в 1936 году в нижегородской газете³⁶; воспоминания о Балтрушайтисе оказались опубликованы в 1934 году на литовском языке в Вильнюсе³⁷; «Московские библиофилы» обособились в качестве самостоятельного текста, разошлись внутри сообщества в машинописных копиях и были напечатаны уже в новейшее время. Часть упомянутых очерков известна лишь в рукописях (например, мемуары о Брюсове — в двух черновых вариантах³⁸); некоторые — в машинописи, причем иногда — несущей на себе следы допечатной подготовки, вплоть

³⁵ Оба варианта вложены среди листов машинописи его поздних воспоминаний (о которых речь впереди), см.: РГБ. Ф. 561. Карг. 1. Ед. хр. 8. Л. 5.

³⁶ *Kara-Murza S.* А.М. Горький и «интервью» // Горьковский рабочий. 1936. № 199. 29 августа. С. 3.

³⁷ *Kara-Murza S.* Jurgis Baltrusaitis // Kultura. 1934. № 9 (судим по библиографии; журнал остался нам недоступен).

³⁸ РГБ. Ф. 561. Карг. 2. Ед. хр. 7. Будут напечатаны в следующих номерах «Литературного факта».

до указаний наборщику; машинопись очерка «Улыбки писателя» оказалась в составе чеховского фонда в РГАЛИ; часть поименованных здесь текстов пока не разыскана вовсе.

Попытки опубликования этой книги почти не документированы — лишь на нескольких материалах видны анонимные скептические маргиналии наподобие следующих: «Это — любопытные, но слишком “семейные” записки; общественное значение их невелико. Как глава какой-то более объемлющей [sic] работы, большего обществ[енного] диапазона — они м.б. были бы уместны»³⁹. Вняв замечаниям такого рода, Кара-Мурза в 1947 году написал новую версию воспоминаний. Первоначально они были прочитаны весной 1947 года в расширенном заседании Отдела литературы XIX века Литературного музея под общим заглавием «Литературная Москва на рубеже XIX и XX столетий»⁴⁰. Впечатленный услышанным, Н.П. Анцыферов, исполнявший обязанности председателя, предложил Кара-Мурзе переработать текст в статью для сборника «Литературная Москва», расширив хронологический диапазон до 1916 года. Летом того же года текст был сдан и поступил в работу к редактору Н.Л. Степанову, который к следующей весне сформулировал свои пожелания, с одной стороны, касавшиеся библиографического оформления текста, а с другой — прояснения его идеологического каркаса — в частности, предписывалось уделить больше внимания характеристике большевистской печати и решительнее размежевать буржуазно-реакционную литературу с демократической. Поправки были внесены и рукопись благополучно принята издательством, но в дальнейшую ее судьбу вновь вмешался злой рок: вследствие оставшихся за кадром пертурбаций Гослитмузей передал все материалы сборника в Госкультпросветиздат — за исключением единственного материала: воспоминаний Кара-Мурзы. Формальной причиной служила утеря договора (что, в частности, позволило заказчикам сэкономить на авторском гонораре) но, кажется, эта история своей дурной вторичностью переполнила чашу терпения мемуариста и заставила его отбросить привычную корректность: «[...] меня крайне удивляет то несправедливое отношение ко мне Литературного музея, прибегающего к недостойным казуистическим приемам для того, чтобы не уплатить мне следуемого гонорара в том единственном случае, когда за десятки лет я единственный раз выполнил по его заказу платную работу»⁴¹. В качестве печального архивного па-

³⁹ Карандашная пометка на последнем листе машинописи главы «Литературный салон В.А. Морозовой» (РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 15. Л. 26).

⁴⁰ Далее сюжет излагается по копиям документов, хранящимся в: РГБ. Ф. 561. Карт. 1. Ед. хр. 8. Л. 191–217.

⁴¹ В комитет по делам культурно-просветительской работы РСФСР. Отдел инспекции. Жалоба на действия Государственного Литературного музея // Там же. Л. 212.

радокса готовая к печати рукопись этой книги — написанной с твердыми правоверными интонациями и вдобавок выхолощенной редакторской цензурой — сохранилась безупречно — в отличие от ее не в пример более любопытной предшественницы.

Насколько можно судить по неидеально сбереженному архиву, это была последняя попытка Кара-Мурзы опубликовать книгу воспоминаний. В дальнейшем он продолжал работать на радио⁴², участвовал в литературных мероприятиях и вел постоянно сужающуюся из-за убыли корреспондентов переписку. Умер он 9 октября 1956 года.

* * *

Очерки печатаются по машинописям с учетом последнего слоя правки: РГАЛИ. Ф. 1345. Оп. 7. Ед. хр. 20 («Улыбки А.П. Чехова»), РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 14 («Мирэ»), РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 5 («Юргис Балтрушайтис»), РГБ. Ф. 561. Карт. 12. Ед. хр. 21 («А.Н. Чеботаревская»).

* * *

УЛЫБКИ А.П. ЧЕХОВА

Я решаюсь поделиться своими воспоминаниями об Антоне Павловиче Чехове только для того, чтобы рассказать, как мне удалось вызвать несколько очаровательных улыбок на его прекрасном лице. Каждая улыбка Чехова была по-особому пленительна и своеобразна, всякий раз с новым оттенком: то веселая, то печальная, многозначительная или ироническая, загадочная или скептическая.

Шел 1901-ый год. Я был студентом Московского Университета и сотрудником московской газеты «Новости Дня», в которой некогда печатался и сам Антон Павлович. На столбцах этой газеты, как известно, был помещен первый и единственный роман Чехова «Драма на охоте»⁴³, в котором видим уже многообещающие блестящие пера будущего мастера слова.

Лето 1901 года я проводил на южном берегу Крыма, в Гурзуфе. В одно прекрасное августовское утро я совершенно неожиданно увидел на пляже, среди приглядевшихся лиц курортников, хорошо мне известного по фотографиям Антона Павловича Чехова вместе с женой. Можно себе представить мое волнение, когда я очутился в двух шагах от любимого писателя.

⁴² Перечисление его выступлений с указанием гонорара за каждое отложилось среди его деловых бумаг: РГБ. Ф. 561. Карт. 16. Ед. хр. 26.

⁴³ «Драма на охоте» печаталась в «Новостях дня» с августа 1884 по апрель 1885 г.

Это было счастливое лето для Чехова; он был здоров и хорошо настроен. 25-го мая этого года он обвенчался в Москве с Ольгой Леонардовной Книппер, начало лета провел с женой на кумысе в Аксенове, Уфимской губернии, а в июле приехал в Крым. Один месяц Чеховы провели в Ялтинском доме, а в начале августа перебрались в Гурзуф, где у Антона Павловича была своя дача⁴⁴.

Гурзуфская дача Чехова представляла собой то, что называется «ласточкино гнездо». Это была обыкновенная татарская сакля на вершине высокой скалы, отвесно впадающей [sic] в море. Так как там не было пляжа, то Антон Павлович с Ольгой Леонардовной ежедневно, в определенный час, спускались в курорт и отдыхали на берегу.

Со взрослыми Чехов совершенно не разговаривал, но очень охотно беседовал с детворой, игравшей на прибрежном гравии. Видимо и дети его любили, судя по тому, что все время возились около него. И я сильно завидовал этим малышам, имевшим возможность так просто общаться со знаменитым писателем, а я, такой горячий почитатель автора «Чайки» и «Дамы с собачкой», лишен был этой радости.

Но, так как на пляже знакомства завязываются довольно легко, я вскоре познакомился сначала с Ольгой Леонардовной, оказав ей какую-то мелкую услугу, а затем и с Антоном Павловичем. Узнав, что я студент Московского Университета и сотрудник «Новостей Дня», Чехов отнесся ко мне не совсем безразлично, а с некоторым вниманием. Еще теплее и доверчивее стало отношение ко мне Антона Павловича, когда он узнал, что я друг Миши Свободина, сына большого приятеля Чехова — Павла Матвеевича Свободина, известного артиста Александринского театра⁴⁵. Антон Павлович не раз,

⁴⁴ Сообщаемые Кара-Мурзой сведения отчасти противоречат «Летописи жизни и творчества» Чехова. Так, согласно последней, Чехов с женой приехали в Ялту 8–9 июля 1901 г., где пробыли до 20 августа, когда Книппер уехала в Москву; посещения Гурзуфа здесь не отмечены (см.: *Гитович Н.И.* Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М., 1955. С. 670–672). Ныне выходящее второе расширенное издание летописи до 1901 г. еще не добралось.

⁴⁵ Свободин Михаил Павлович (1880–1906) — поэт-сатирик, публицист, юрист, посетитель «башни» Вяч. Иванова, приятель Волошина (см. в воспоминаниях их общего друга Ф. Арнольда: «Мишель Свободин был поэтом. [...] Мишель Свободин представлял из себя маленького востроносого человека с немного веснушчатым бритым актерским лицом, в пенсне с широкой тесьмой, с высочайшим, подпиравшим голову воротником. Его немного пшнотоватая внешность освещалась взглядом серых выразительных глаз, в которых блескел то юмор, то вдохновение» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 83–84; здесь же описание того, как он напросился на арест, чтобы быть высланным в Крым за казенный счет), за subtilность сложения прозванный «Микромихайла»; подписывал послания к Е.О. Волошиной «Ваш вроде как сынишка» (см. его приписку к письму биологического «сынишки»

и не без ласковости высказывался в своих письмах о Мише Свободине⁴⁶.

Студент-юрист, Свободин был очень одаренным поэтом, сотрудником журнала «Русская Мысль», удачно перевел в стихах пьесу Артура Шницлера: «Зеленый Попугай»⁴⁷. Его самоубийство наделало в свое время много шума в Москве.

Необычайно трагично сложилась судьба обоих Свободиныных: отец умер на сцене в 42 года, играя роль Карандышева в «Шутниках» Островского. Сын в 25 лет застрелился в 1906 г. на пороге квартиры оперной певицы Петровской⁴⁸.

адресата: *Волошин М.* Собр. соч. М., 2009. Т. 8. С. 215); см. также его неподписанный некролог: *Весы.* 1906. № 12. С. 76. Свободин Павел Матвеевич (наст. фам.: Козинко; 1850–1892) — драматический актер, приятель и корреспондент Чехова.

⁴⁶ Ср., напр., в письме к А.С. Суворину от 9 июня 1889 г.: «Неделю тому назад приехал ко мне Свободин с своим девятилетним сынишкой, очень милым и симпатичным неугомонно философствующим мальчиком» (*Чехов А.П.* Полное собр. соч. и писем. М., 1976. Письма. Т. 3. С. 223).

⁴⁷ В том же некрологе «Весов», среди прочего, упоминается: «Между прочим, в его переводе издана к[нигоиздательст]вом “Скорпион” трилогия Арт. Шницлера “Зеленый попугай”» (*Весы.* 1906. № 12. С. 76). Таким образом, именно ему принадлежит псевдоним М.О.И., которым подписан перевод в этом издании (см., среди прочего, о нем: Переписка [В.Я. Брюсова] с С.А. Поляковым (1899–1921) / Вступ. ст. и коммент. Н.В. Котрелева. Публ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир // *ЛН.* М., 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 31, 32). В экземпляре, преподнесенном Чехову («Глубоко уважаемому и дорогому Антону Павловичу Чехову в память много хорошего. Мих. Свободин. 1900. 1 ноября») псевдоним поправлен от руки, так что вместо М.О.И. стало М.О.Й. (т.е. «Перевод М. О. Й.»), см.: *Балухатый С.* Библиотека Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930. С. 313–314. Ср., впрочем, восходящие к неизвестному источнику сведения о том, что трилогия «была переведена стихами тремя студентами: Ф.К. Арнольдом, Э.А. Купфером и М.П. Свободиныным (сыном артиста Свободина, друга Чехова)» (Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер. М., 1936. Т. 2. С. 38 (прим. А.Б. Дермана)). В действительности — в книге три пьесы («Парацельс», «Подруга» и «Зеленый попугай») и стихами переведена только первая из них. Ср., кстати, в письме Волошина матери от 3 мая 1900 г.: «Мишель продал перевод “Зеленого попугая” за 100 р. книгоиздательству московских декадентов “Скорпион”» (*Волошин М.* Собр. соч. Том 8. Письма 1893–1902. Сост. А.В. Лаврова. Подготовка текста и коммент. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. М., 2009. С. 362).

⁴⁸ Ср. в другом мемуарном тексте Кара-Мурзы: «Плохо кончил и бедный романтик Мишель: он застрелился в ноябре 1906 года в Москве, в безнадежных поисках взаимности, на пороге квартиры известной оперной певицы З.В. Петровской. Значительный свет на самоубийство М. Свободина бросает одно его стихотворение, написанное за две недели до смерти, и поднимающее завесы над его внутренней жизнью» (*Кара-Мурза С.Г.* Литературный салон В.А. Морозовой // *РГБ.* Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 15. Л. 20–21). Речь идет о Зи-

Антон Павлович давал мне небольшие поручения, которые я с необычайным наслаждением исполнял: узнавать, в котором часу приходят в Гурзуф севастопольские газеты, можно ли достать пароконный фаэтон на резиновых шинах для поездки на Аю Даг и др. Иногда Антон Павлович выезжал вместе с Ольгой Леонардовной кататься в экипаже на шоссе, «по над морем», как говорят в Крыму.

Чехов очень интересовался мелочами курортной жизни: каков был улов татар-рыбаков, вышедших ночью в море? Какие примёры подаются за табльдотом? Я тогда не знал, что такое примёры, и Антон Павлович мне объяснил, что это кушанья из нового урожая, блюда из свежего привоза.

В это лето Гурзуф переживал кризис: разорившийся владелец имения, бывший миллионер, купец Губонин, продавал курорт некоему князю Оболенскому⁴⁹, расслабленному, дегенеративному аристократу. Казалось, что происходит процесс, совершенно обратный тому, что составляет тему «Вишневого сада», где купец приобретает владение оскудевшего дворянства. Но оказалось, что князь Оболенский только фиктивная фигура, подставное лицо акционерной компании, покупающей курорт. Акционеры приезжали в Гурзуф контролировать действия своего «свадебного генерала», который вместо того, чтобы совершать деловые акты, устраивал фестивали, пикники с танцами, ночные прогулки на катере с иллюминацией, с оркестром музыки и т.д. Чехов с любопытством относился ко всем подробностям этой грандиозной сделки купли-продажи, и я ежедневно сообщал ему о курортных новостях.

Узнав, что я слушал курс лекций профессора В.О. Ключевского, Антон Павлович предложил мне воспроизвести манеру его речи. И когда я, не обладая никакой способностью к имитации, как мог, несколько по-мальчишески, изобразил как Василий Осипович жестикулирует и мимирует на кафедре, Чехов с необычайным добродушием улыбался.

наиде Васильевне Петровской, служившей в Оперном театре С. Зимина (см.: Леонид Витальевич Собинов. Т. 1. Письма. М., 1970. С. 402, 698).

⁴⁹ Основатель курорта Петр Иванович Губонин (1825 или 1828–1894) умер за некоторое время до описываемых событий; акционерное общество, имевшее целью возрождение Гурзуфа, было основано одним из его наследников Сергеем Петровичем Губониным (1852–?) и князем Алексеем Андреевичем Оболенским, ср.: «Для приобретения и эксплуатации на южном берегу Крыма известного имения “Гурзуф” С.П. Губонина — в Москве организовывается акционерное общество, учредителями коего являются князь Алексей Андреевич Оболенский и Сергей Петрович Губонин. Цель Общества — развитие в приобретенных имениях обширного виноделия и устройство образцового курорта» (Проект Организации Акционерного Общества «Гурзуф». М., 1900. С. 1; далее следует подробное экономическое обоснование проекта). См.: *Макарухина Н.М.* Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Кн. первая. Симферополь, 2012. С. 179.

В другой раз Антон Павлович спрашивал меня о «Новостях Дня», о редакторе Н.Е. Эфросе, об издателе газеты А.Я. Липскеров⁵⁰. Я рассказывал о том, что Абрам Яковлевич Липскеров живет магнатом в своем, известном Москве, шоколадном особняке у Красных Ворот⁵¹, имеет до двухсот тысяч рублей годового дохода: у него один из лучших в Москве выездов, он содержит большую конюшню, лошадей его тренирует знаменитый американец Вильям Кеттон, и они берут на конных состязаниях первые призы⁵². Потом я рассказал, какие вечера и ужины задает Абрам Яковлевич, как они многолюдны; настолько, что Липскеров сам не знает кто у него в гостях: к нему можно прийти, поужинать и уйти, не будучи известным никому из хозяев дома. Антон Павлович слушал меня с большим вниманием, а когда я кончил рассказ, он помолчал немного и потом с какой-то грустной иронией сказал: «А мне он платил по три копейки за строчку»⁵³, и улыбнулся горькой, саркастической улыбкой.

Вообще беседа с Чеховым была очень своеобразной: Антон Павлович был крайне малоречив: задавал лишь односложные вопросы и подавал самые короткие реплики. Зато слушал он необыкновенно внимательно, живо реагируя на слова своей выразительной мимикой, то и дело меняющей выражение его лица.

⁵⁰ Эфрос Николай Ефимович (1867–1923) театральный критик, историк театра. Липскеров Абрам Яковлевич (1848 или 1851–1910) — стенограф, журналист, предприниматель, автор уголовных романов, отец поэта К.А. Липскерова. Исключительно яркий его портрет содержится в мемуарах Амфитеатрова: *Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих.* М., 2004. Т. 1. С. 267–271.

⁵¹ Адрес Липскеровых — Садовая-Спаская, собственный дом. На месте этого снесенного двухэтажного особняка, сохранившегося на фотографиях, сейчас расположено высотное здание.

⁵² Липскеров был владельцем значительного количества высококлассных скаковых лошадей; см., напр.: Заводская книга чистокровных лошадей в России (*Russian Stud-Book*). СПб., 1908. Т. XIII. С. 706. Так, в 1903 г. в гладких скачках участвовали 11 его лошадей, принесших более 8000 руб. призовых (*Скаковой календарь 1903 года, издаваемый Главным Управлением Государственного коннозаводства.* Т. 1. СПб., 1903. С. 625). Биографическими данными о тренере мы не располагаем.

⁵³ Ср. в воспоминаниях М.П. Чехова о деловых привычках Липскерова: «Бывало, придешь в редакцию, ждешь-ждешь, когда газетчики принесут вырчку.

— Чего вы ждете? — спросит наконец издатель.

— Да вот получить три рубля.

— У меня их нет. Может быть, вы билет в театр хотите или новые брюки? Тогда сходите к портному Аронтрихеру и возьмите у него брюки за мой счет» (*Чехов М.П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления.* М., 1959. С. 112).

Еще внимательнее отнесся ко мне Антон Павлович, когда я шутя сказал, что имею некоторое отношение к Московскому Художественному Театру. Какое же, — спросил Антон Павлович.

— А я был клакером.

— Как клакером, разве в Художественном театре существует клака? — насторожился Чехов. — Никогда не слыхал!

И я рассказал Антону Павловичу следующую историю. В январе 1899 года Художественный Театр поставил «Антигону» Софокла. Постановка была совершенно необычайная для современного русского зрителя. Она полностью воспроизводила внешний вид античного эллинского театра. Когда зритель входил в зал, он видел сцену уже открытой, какой она и оставалась во все продолжение спектакля. Занавес был раздвинут и не задвигался во весь вечер, а внизу, у самой рампы, алтарь Диониса. Трагедия состояла из нескольких актов.

Но если занавес не задвигается, то как дать понять зрителю, что акт кончился и начинается антракт? И вот В.И. Немирович-Данченко придумал следующее: посадить в разных местах партера нескольких студентов, которые, зная, когда кончается действие, должны были встать, зааплодировать, и тем подсказать зрителям, что начался антракт. Одним из этих студентов, в некотором роде клакеров, был я. На генеральной репетиции, мы, студенты-клакеры, в партере так же усердно репетировали свою роль, как и актеры на сцене.

Выслушав мой рассказ, Антон Павлович очень иронически усмехнулся и спросил:

— Помогали Софоклу? Вряд ли он в вас нуждался. Публика разобралась бы и сама.

И действительно: максимум предусмотрительности, проявленный В.И. Немировичем-Данченко, оказался напрасным. Вскоре зрители освоились со спектаклем и сами стали соображать: когда кончается действие и начинается антракт, и надобность в наших искусственных аплодисментах отпала. Клака была распушена.

Иногда Антон Павлович любил экзаменовать меня и проверять мои знания по части русской литературы, но делал это необычайно тонко и лукаво.

Среди курортной детворы на пляже была одна девочка лет 6–7, москвичка Маслова, которую особенно любил Антон Павлович. Звали ее Катей. — «Катюша Маслова» — сказал однажды Чехов, указывая на нее и испытующе глядя на меня, словно желая проверить: знаю ли я «Воскресенье» Л. Толстого. Да, сказал я, только не косит.

Антон Павлович, видимо, остался доволен моим ответом. Молча, одобрительно кивнул головой и ласково улыбнулся, словно говоря: ну, экзамен выдержали. Я и до сих пор встречаю на улицах

Москвы эту гражданку Маслову; сейчас это почтенная дама лет под шестьдесят.

В другой раз мы встретились в Гурзуфском парке, под платаном Пушкина, где великий поэт любил отдыхать, когда гостил здесь с семейством генерала Раевского.

Долго мы сидели молча; Антон Павлович безмолвно глядел на небо. Наконец он прервал молчание и сказал жене: «посмотри, какие занятные облака». А потом, помолчав еще некоторое время, обратился ко мне с вопросом:

— А что здесь было написано Пушкиным? — и испытующе ждал ответа. Но на этот раз я спасовал и ничего не мог ответить. Тогда Антон Павлович многозначительно ответил за меня сам своим низким баском несколько хрипловатого тембра медленно проскандировав «Редееет облаков летучая громада...»⁵⁴ А затем усмехнулся своей очаровательной милой улыбкой и укоризненно качнул головой, как бы говоря: а Пушкина-то, видимо, вы не знаете, молодой человек!

Как-то разговор зашел у нас о знаменитом московском адвокате Александре Ивановиче Урусове, умершем год тому назад. Я сообщил Антону Павловичу, что видел Урусова на втором представлении «Чайки» в фойе Художественного театра, собирающим подписи под телеграммой, отправляемой Чехову в Ялту⁵⁵.

Тут же я рассказал Антону Павловичу об одном случае находчивости и остроумия Урусова. Как-то один адвокат задал Александру Ивановичу вопрос: видел ли он последнюю театральную новинку? Какую? — спросил Александр Иванович. — Антигону! — Видел, — ответил Урусов, — хотя этой новинке уже 2436 лет. Чехов, конечно, не мог не оценить по достоинству качества юмора Урусова и весело усмехнулся.

Должен сказать, что в ту пору я очень интересовался так называемыми «бытовыми прототипами» в литературе: кто зарисован в таком-то произведении, кто является прообразом такого-то персонажа. Однажды, воспользовавшись благодушным настроением Антона Павловича, я решился спросить его: верны ли слухи о том, что в образе адвоката Лысевича в «Бабьем царстве» изображен Урусов. Антон Павлович сразу помрачнел, ничего не ответил и только отрицательно повел головой. Сейчас при воспоминании об этом молчаливом движении головы для меня вполне ясно: насколько мой

⁵⁴ Вероятно, это опечатка, а не ошибка памяти, но на всякий случай оставляем ее в неприкосновенности. Стихотворение Пушкина отражает гурзуфские впечатления 1820 г., но написано спустя 4 месяца в Каменке.

⁵⁵ А.И. Урусов был, среди прочего, автором апологетического отзыва о втором представлении «Чайки»; см.: *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 8. М., 1980. С. 408–409.

бестактный вопрос был неприятен Чехову, но тогда, по молодости лет, я этого не понимал. Что в Лысевиче изображен А.И. Урусов, нет никакого сомнения. Как известно, А.И. Урусов — фанатический поклонник Флобера, всем и каждому рекомендовал: «Читайте Флобера», и даже на своих визитных карточках писал «Lese Flober»⁵⁶ [sic]. А адвокат Лысевич в «Бабьем Царстве» всех приглашает читать Мопассана: «Читайте Мопассана, обязательно читайте Мопассана».

Заговорив о «Чайке», я рассказал Антону Павловичу, как московское студенчество увлекается этой пьесой, о том, как все мы, студенты, немного влюблены в исполнительницу роли Нины Заречной Марию Людомировну Роксанову⁵⁷.

«Ну и видно, что вы еще молокососы, — сказал Чехов, — вот если бы вы видели Комиссаржевскую в этой роли, вы бы не то запели».

Теперь известно, что Чехов был недоволен исполнением Роксановой роли Заречной⁵⁸, а нас, студентов, она положительно пленяла.

Давно уже меня подмывало спросить Антона Павловича об одной вещи: о повести Чехова «Попрыгунья». Я знал по Москве художницу Софью Петровну Кувшинникову и художника Исаака Ильича Левитана, о которых молва говорила, что они и их взаимоотношения изображены в «Попрыгунье». Воспользовавшись как-то хорошим настроением Антона Павловича, я решился наконец спросить его, знает ли он Софью Петровну? Антон Павлович помор-

⁵⁶ Надо: «Lisez Flaubert» — читайте Флобера (*фр.*). Ср. характеристику: «[...] князь Александр Иванович Урусов, русский западник *rigue sang* и знаток французской литературы, раздававший знакомым книжки с лаконической надписью “Lisez Flaubert”» (*Маковский С.* Портреты современников. М., 2000. С. 124). См. также: «Князь Урусов был большим почитателем французского писателя Флобера и подарил мне, как он это обычно делал, свою фотографию с надписью “Lire Flaubert” (“Читайте Флобера”)» (*Морозова М.К.* Мои воспоминания // Московский альбом. Воспоминания о Москве и москвичах XIX–XX веков. М., 1997. С. 193). Ср. в воспоминаниях Щепкиной-Куперник об Урусове, «который так обожал Флобера, что, когда у него попросили для какого-то благотворительного сборника портрет с автографом, он к великому негодованию патриотов написал по-французски “Читайте Флобера”» (*Щепкина-Куперник Т.Л.* Дни моей жизни. [М., 1928]. С. 314). Ср.: *Соболев Ю.* Чехов. Статьи. Материалы. Библиография. М., 1930. С. 175.

⁵⁷ Роксанова Мария Людомировна (наст. фам.: Петровская; 1874–1958) — драматическая актриса.

⁵⁸ Ср., напр., в письме Чехова Горькому от 9 мая 1899 г.: «“Чайку” видел без декораций; судить о пьесе не могу хладнокровно, потому что сама Чайка играла отвратительно, всё время рыдала навзрыд, а Тригорин (беллетрист) ходил по сцене и говорил, как паралитик; у него “нет своей воли”, и исполнитель понял это так, что мне было тошно смотреть» (*Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 8. С. 170).

щился и сказал. «Знаю, вздорная баба». Тогда я еще более осмелел и в упор спросил: верно ли, что он изобразил ее в Дымовой.

— Чепуха, — ответил, как всегда однословно и сердито Антон Павлович⁵⁹.

Чтобы смягчить как-нибудь свою бестактность, я сказал: «Реникса?» воспользовавшись словами Кулыгина из только что поставленных «Трех сестер», Чехов сразу повеселел, видимо довольный тем, что, не всем доступная, шутка из его пьесы дошла до широкой публики.

И сейчас еще краска стыда заливает мое лицо, когда я вспоминаю, как я докучал великому писателю своими неуместными вопросами. Но тогда, повторяю, была молодость, юный задор и легкомыслие; к тому же я был достаточно заражен развязностью газетных интервьюеров.

К великому моему сожалению, этими шестью-семью улыбками не исчерпываются мои воспоминания о Чехове. В последний раз я видел Антона Павловича осенью 1903 г. при совсем иных обстоятельствах. В газетах появилась заметка о том, что Чеховым закончена новая пьеса «Вишневый сад». Редактор «Новостей дня», в которой я продолжал работать, Н.Е. Эфрос, не преминул воспользоваться этим сообщением для того, чтобы получить от Чехова интервью, и, снабдив меня своим письмом, командировал меня к Антону Павловичу.

С затаенным дыханием переступал я порог квартиры Чехова. Он жил тогда на Неглинной, в Звонарном переулке, в доме Сандуновских бань. Узнает ли меня Антон Павлович? Ведь с грузуфских встреч прошло 2 года. Чехов меня узнал, но я едва мог его узнать. Передо мной был худой, с землистым цветом лица, истомленный, больной человек, почти старик. Я объяснил Антону Павловичу цель моего прихода и вручил ему визитную карточку Эфроса, на которой было написано: «Дорогой Антон Павлович! У нас сегодня сообщено, что вы кончили пьесу. И я знаю, что это правда. Не откажите в большой любезности редакции, мне и нашему сотруднику Сергею Георгиевичу Кара-Мурза и сообщите что-нибудь о пьесе. Как зовут, в чем сюжет, какие персонажи, если нельзя дать прочесть самое пьесу. Право ничего дурного нет в оглашении этого; ничему это никогда не вредит. А нам вы окажете страшно большую услугу. Не откажите в ней и простите, что беспокою. Искренне любящий Вас Ник. Эфрос»⁶⁰.

⁵⁹ Художнице Софье Петровне Кувшинниковой (1847–1907) посвящена отдельная глава мемуаров Кара-Мурзы: «“Попрыгунья” Чехова и салон С.П. Кувшинниковой». То, что она послужила прототипом героини рассказа «Попрыгунья», ныне считается установленным фактом.

⁶⁰ Ср.: «За добрых полвека Сергей Георгиевич хорошо познал характер деятелей прессы, сам печатался (как-то он принес мне визитную карточку теат-

На этот раз Антон Павлович отнесся ко мне очень сурово. Прочтя записку Эфроса, он с крайним раздражением, почти гневно вернул мне ее и сердито сказал. «Передайте Эфросу, что я никогда и никому не рассказываю содержания своих пьес». Я ушел, унося с собой эту визитную карточку, которую храню как память о своем неудачном визите к великому писателю.

Однако Эфрос не успокоился на этом отказе Чехова и, как неисправимый газетчик, изложил-таки содержание «Вишневого Сада» в «Новостях Дня», со слов Вл.Ив. Немировича-Данченко⁶¹. К сожалению, изложение появилось в газете в искаженном виде, с неточностями. Так, например, вместо: «все собрались в гостиной» было напечатано «все собрались в гостинице». Гаев благодаря небрежности корректуры превратился в Чаева. Все это крайне расстроило Чехова и он был очень сердит на Эфроса. Но особенно возмутило Чехова то, что пьесе была дана совсем не та окраска, которую имел в виду автор. Ее изложили как драму, в то время как Антон Павлович создавал ее как комедию.

В письме от 26 октября 1903 г. Чехов писал жене: «Коли бы я знал, что выходка Эфроса подействует на меня так нехорошо, то ни за что не дал бы своей пьесы Художественному Театру. У меня такое чувство, точно меня помоями облили»⁶².

Через 8 месяцев Антона Павловича не стало.

А. МИРЭ

Сквозь дымку лет встают из прошлого полузабытые литературные встречи. Нежелающая бездействовать память восстанавливает в невольных воспоминаниях из тумана прошлого очертания лиц и событий, приводит в движение образы забытых друзей и знакомых, придает реальность контурам умерших деятелей слова и печати; она сообщает живое биение пульса потонувшим во времени фактам, чувствам и настроениям. Много было интересных литературных знакомств, мимолетных журнальных встреч и газетных дружб. Вспоминается ряд лиц ярко талантливых, широко образованных,

рального критика Н.Е. Эфроса, который в качестве заведующего театральным отделом в газете «Новости дня» просил Чехова принять молодого журналиста С. Кара-Мурзу» (*Лидин В.Г. Друзья мои — книги. С. 151*).

⁶¹ Имеется в виду публикация: «Вишневый сад» // *Новости дня. 1903. 19 октября. № 7315. С. 3.* И.Ф. Масанов, описывая эту заметку, делает примечание: «Было перепечатано в «Курьере», «Одесских новостях», «Крымском курьере» и др.» (*Масанов И.Ф. Чеховиана. М., 1929. Выпуск 1. С. 49*).

⁶² Вольно цитируется письмо от 25 октября 1903 г. (*Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 11. М., 1982. С. 285*); см. там же комментарий к этому и соседним письмам.



А.М. Моисеева (Мирэ)

богато одаренных, которым условия дореволюционной русской жизни не дали возможности развернуть свои многогранные духовные способности, раскрыть заложенные в них творческие возможности. Одни совсем не успели сказать свое подлинное оригинальное слово, другие, едва начав свой писательский путь и обнаружив таящиеся в них задатки дарований, гибли в непосильной борьбе с жизнью, со всяческими незадачами и нуждой.

Одной из таких трагических фигур русской литературы, встающих в памяти, как печальная черная тень, была встретившаяся на моем пути писательница, Александра Михайловна Моисеева⁶³, печатавшаяся под псевдонимом А. Мирэ.

Впервые она появилась в литературных кругах Москвы в 1905 году, но никогда не жила здесь подолгу; женщина своеобразной и большой духовной жизни, вечно горевшая, искавшая и никогда не удовлетворенная, она провела свою короткую жизнь в постоянных скитаниях. А.М. неожиданно исчезала из Москвы, также как неожиданно возвращалась в нее, полная свежих впечатлений, новых интересов и занятых рассказов. Это был — и внутренне, и внешне — завершенный тип того русского скитальца, о котором говорил Достоевский в своей пушкинской речи⁶⁴. Воплощенный протест против всего размеренного, домовитого, мещанского, она никогда не могла свить себе прочного, семейного гнезда, никогда не оставалась подолгу на одном месте и вечно переезжала из города в город.

Литературное наследство, оставленное Мирэ, невелико: два сборника рассказов: «Жизнь» и «Черная пантера» и две небольших пьесы: «Побежденные» и «Голубой павлин». Талантливая писательница с блестящим чеканным стилем, с тонким художественным чутьем, А.М. умерла в 1913 году и дала гораздо меньше того,

⁶³ Здесь и далее Кара-Мурза устойчиво использует начертание «Моисеева»; традиционно пишется «Моисеева» (см. прежде всего: *Лавров А.В.* Мирэ // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 90–91). Очерк ее биографии см.: *Михайлова М.В.* «Я женщина с головы до ног...» (Творческий портрет писательницы А. Мирэ) // *Время Дягилева. Универсалии серебряного века. Третьи Дягилевские чтения. Материалы.* Выпуск 1. Пермь, 1993. С. 197–208.

⁶⁴ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 томах. Л., 1984. Т. 26. С. 137.

что она могла бы дать при более благоприятных внешних условиях жизни и при более крепком здоровье. Свои 39 лет она прожила в тревожной, печальной и суровой обстановке.

А.М. Мойсеева родилась в 1874 г. в зажиточной провинциальной семье средней руки, в среде, где жили спокойно и неторопливо. Она воспитывалась в Борисоглебской женской гимназии, которая ничего не могла дать ищущей и страстной душе девушки, рвущейся из затхлой атмосферы семейного уюта на вольный простор идейных и художественных исканий, за подвигом, за славой. Ее влечет театр, и в 16 лет А.М. покидает гимназию и родительский дом для того, чтобы поступить на сцену в одном из приволжских городов. Как Нина Заречная из Чеховской «Чайки», она тянется к огням рампы и так же, как она, вскорости разочаровывается в них, охладевая к артистической деятельности, чувствуя отвращение к связанным с нею сценическим дрязгам и закулисным интригам.

В начале 90-ых годов А.М. оставляет театр и уезжает в Москву, где начинает вращаться в среде революционной молодежи, с жаром и страстностью отдается подпольной деятельности, ведя агитационную работу среди московских рабочих. Это приводит ее к обыску, аресту и тюремному заключению. Около двух лет проводит она в тюрьмах, сначала в Москве, потом в Одессе. Выйдя весной 1894 года из Одесской тюрьмы, она проводит три года под гласным надзором полиции в Кишиневе и в конце 97 г. уезжает в Париж⁶⁵.

За границей А.М. провела пять лет, в постоянных путешествиях по Франции, Бельгии, Швейцарии и Италии. Эти скитания проходили в самых причудливых и странных условиях, в бедности, в нужде, а порой и в неприкрытой нищете. Жизнь то давала ей недолгие просветы радости, а то кидала ее из одной пропасти в другую, вплоть до самых глубоких низин человеческого существования, до самых ужасающих ям социального быта. В Бельгии какими-то непонятными путями, о которых А.М. не могла вспоминать без истерических содроганий, она очутилась в стенах одного из ужасных вертепов на окраинах Брюсселя. Каким-то негаданным случаем, почти чудом ей удалось вырваться из пасти захватившего ее водоворота: из мучительной обстановки дома вырвал ее один из случайных посетителей, негр, почему-то проникшийся жалостью к печальной судьбе русской девушки.

В 1902 г. А.М. приехала в Россию, обогатив свой и без того значительный запас житейских наблюдений, но вернулась на родину уже измученной, издерганной, душевно надломленной навсегда.

⁶⁵ Дело департамента полиции, заведенное на Мирэ, по всей вероятности, не сохранилось, в полицейском архиве осталась лишь ее фотография с кратким комментарием (ГАРФ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 24122).

Темные годы, ею пережитые, оставили ей как наследство печать болезненной отчужденности и пугливого недоверия к людям, как будто между нею и миром возникла какая-то незримая стена. В 1903 г. А.М. попадает в Нижний Новгород, где в «Нижегородском листке» начинается ее литературная деятельность⁶⁶. В те поры в Нижнем была значительная писательская колония из высланных литераторов во главе с М. Горьким. Последний обратил внимание на свежее, незаурядное художественное дарование А.М., и в течение целого года Мирэ помещала на столбцах местной газеты ряд маленьких изящных рассказов из жизни парижской богемы. Нижегородские литераторы высоко ценили оригинальный беллетристический талант Мирэ и оказали всяческое содействие изданию ее рассказов отдельным сборником. Нашелся местный издатель Муко-сеев⁶⁷, рискнувший выпустить книжку новелл никому неведомой писательницы и издал ее под названием «Жизнь».

Сюжеты из западно-европейской жизни, иностранные имена действующих лиц и французская манера письма в связи с псевдонимом «Мирэ» многих заставила думать, что произведения эти переводные. Они написаны четким ясным стилем на сильно драматические темы. Их содержанием служат по большей части те трагические анекдоты, которым автору приходилось быть свидетелем во время своих заграничных мытарств: драма старого скрипача из бедной таверны, несчастная любовь кучера городского омнибуса, самоубийство натурщицы в запущенном ателье художника, муки самолюбия американского тапера в отдельном кабинете ресторана, тоскливая печаль белых пленниц в залах публичных домов и пр. Печать неодолимой грусти, безысходного одиночества лежит на всех рассказах Мирэ, острых и волнующих.

Сборником «Жизнь» заинтересовался В.Я. Брюсов. «Мы не знаем французского автора с фамилией Мирэ, — писал он в “Весы”. — На книге нигде не означено, что это перевод. Между тем, содержание большинства рассказов взято из французской жизни, и действующие лица в них французы. Некоторые рассказы переносят читателя в Италию, другие в Ирландию, в Швейцарию, в Бельгию; только в одном выведены русские, арестанты, и место действия — русская тюремная больница. Однако, судя по языку автор “русский”, и рассказы “оригинальные”»⁶⁸.

⁶⁶ Об этом см.: *Михайлова М.В.* Публикации Мирэ в газете «Нижегородский листок» // Жизнь провинции как феномен русской духовности. Нижний Новгород, 2003. С. 23–26.

⁶⁷ Мукосеев Леонид Александрович (1878–1937) был студентом-медиком, высланным в Нижний Новгород за участие в революционном движении; издавал «Нижегородский календарь». См. о нем (в связи с горьковской протекцией Мирэ): *Забурдаев Н.А.* Автографы М. Горького // Горьковские чтения. 1953–1957. М., 1959. С. 730–731.

⁶⁸ Весы. 1904. № 8. С. 56 (подп.: *Аврелий*).

Однажды А.М. спросили, почему она дает своим персонажам иностранные имена.

— Ах, — ответила она, — русская жизнь такая тяжкая, такая затрудненная, неласковая и грубая, что мне больно жить в ней и вовсе не хочется изображать ее. Мои вымышленные иностранцы, все эти Альфреды и Альберты, как-то изящнее и не так ранят мне сердце.

Жизнь, яркая для многих, упорно поворачивалась к ней своей колющей, своей тусклой, неприветливой стороной. В 1905 году А.М. переехала из Нижнего в Петербург, чтобы войти в большую литературу. Здесь она завязывает знакомство, перешедшее впоследствии в дружбу, с Ф. Сологубом, Чеботаревскими, Г.И. Чулковым, Щеголевой и др.⁶⁹ Сотрудничала в «Вопросах Жизни», в «Новом Пути», дала прекрасные переводы с французского Мопассана, Золя, Мирбо, Роденбаха. Человек высокой и утонченной внутренней культуры, Мирэ любила и знала иностранную литературу, прекрасно говорила на нескольких европейских языках, была хорошо знакома с философией, особенно занималась учением Платона.

Из Петербурга Мирэ перебралась в Москву. Она была непоседлива, постоянно переезжая с места на место, теряя деньги, теряя вещи⁷⁰, но никогда не расставаясь с чемоданом, в котором хранились ее переписка за многие годы и ее рукописи.

⁶⁹ Эти отношения в разной степени документированы. Сохранились письма Мирэ к Ал.Н. Чеботаревской (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 120) и Ан.Н. Чеботаревской (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 165), которая называла ее Мирэшкой («Мирэшка не придет — у нее работа спешная»). — Из недатированного письма к Сологубу; цит. по: *Лавров А.В.* Новонайденные письма Анастасии Чеботаревской к Федору Сологубу // Федор Сологуб. Разыскания и материалы. М., 2016. С. 418). Г.И. Чулков (письма Мирэ к нему: РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 465) оставил о ней подробные воспоминания (*Чулков Г.* Годы странствий. М., 1999. С. 66–70), лишь отчасти перекликающиеся с мемуарами его жены (*Чулкова Н.Г.* Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 35–42).

⁷⁰ Ср. характерный эпизод: «Вяч. Ив. [Иванов] очень хотел просить Вас об одной нашей знакомой. Сомов Вам писал об ней. Она хочет поступить в буддийск[ий] монастырь в Индии. Это такое глубоко несчастное существо. Вся ее жизнь... Ей было 15 лет, когда над ней совершили насилие. Это положило печать на нее. Она очень чувствена, но у нее другие порывы, мечта о белых ступенях. Она хотела сама вам писать, но рвала письма. Она была в страшном отчаянии в эту осень. Вяч. Ив. ее всячески успокаивал, но ей нужна дисциплина, власть над ее волей. Она хотела отравиться. Теперь она уехала за границу, но потеряла деньги и возвращается. Будет через 2–3 дня здесь. Поговорите с ней, помогите ей. Вы одни можете это. Чулков говорит, что года 4 назад она была замечательно хорошенькой. Но теперь за этот год она страшно изменилась» (реплика Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, переданная М.А. Волошиным // *Волошин М.* Собр. соч. Том 11. Кн. 2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906–1924 / Подг. текста Р.П. Хрулевой. Комм. К.М. Азадовского. М., 2015. С. 150).

В Москве А.М. вошла в круг писателей-символистов, где к ней отнеслись с теплотой и сочувствием, но близких друзей здесь она не нашла. Мирэ с ее скромностью, с ее испуганной робостью была не из тех людей, которые умеют создавать около себя шум, и потому высоко ценимая немногими, она не создала себе большого литературного имени, которого заслуживала.

После бурной и кошмарной молодости годы ее пребывания в России проходили в одиночестве, в чисто личном смысле этого слова. Она не была приспособлена к организованной жизни, жила в большой бедности, постоянно нуждаясь, не имея даже своего угла. Некрасивая собой, часто больная, она была молчаливой, замкнутой в себе, чужой людям, скрытной даже для лиц, сочувствующих ей. Всегда неприютная, она не могла найти места в окружающей ее русской современности. Нервы ее с годами все больше и больше расшатывались. Но тем, кому удавалось подойти к ней ближе, преодолев ее смущенную улыбку, ее способность молча забиваться в угол, открывалась душа утонченная, глубокая и нежная.

В Москве А.М. стала сотрудничать в журнале «Золотое Руно» и в издательстве «Гриф», в котором выпустила второй сборник рассказов «Черная Пантера». Последние были значительно совершеннее по форме, чем ее нижегородские рассказы. Они представляли собой на редкость законченные образцы литературной формы новеллы. Изящный, острый, сжатый, тонко отделанный стиль, отчетливые, никогда не расплывающиеся психологические очертания действующих лиц и какое-то особое присущее ей благородство в самой манере письма резко выделяли произведения Мирэ среди потока женского творчества, наполнявшего тогда нашу литературу.

В эту эпоху А.М. сделала последнюю попытку найти личное счастье, оказавшую роковое влияние на исход ее жизни. Случайно она затеяла переписку с незнакомым, как в свое время Мария Башкирцева вступила в переписку с Мопассаном, а «графиня Лида» с Надсоном⁷¹. Письма Мирэ были столь интересны и увлекательны, что незнакомец пригласил ее приехать к нему в гости. Он оказался агрономом из Перми. А.М. имела неосторожность исполнить его просьбу и поехала к нему на Каму⁷². Но случай, помогающий дру-

⁷¹ Имеется в виду переписка С.Я. Надсона с высокородной поклонницей, скрывшейся за инициалами Л.В.Ф., изданная отдельной книгой (С.Я. Надсон и графиня Лида. Б.м., Б.г.). В 1927 г. Кара-Мурза делал в Русском обществе друзей книги (РОДК) доклад по поводу этой мистификации, где назвал подлинное имя «графини» (Л.В. Фадеева) (текст: РГБ. Ф. 561. Карт. 10. Ед. хр. 1). В 1989 г. независимо от него атрибуция была проведена заново: *Иванова Е.В.* История одной переписки // Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 25. С. 175–186.

⁷² Адрес Мирэ этого времени: почтовая станция Частые, Оханского уезда, Пермской губернии (см., напр., ее письма к Л.И. Рыбаковой: РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 19).

гим, как всегда был против нее. Первые недели жизни А.М. в Перми были согреты теплом неподдельного душевного участия, и оттуда московским знакомым шли восторженные письма, в которых А.М. писала, что она отдыхает душой и вознаграждает себя за пережитые страдания всей своей жизни. Бедная женщина не предполагала, что именно в Перми ожидают ее еще горшие страдания. Вскороности А.М. очутилась совсем одна в чужом городе, покинутая агрономом, полубольная, без всяких средств⁷³. Это последнее сознание обманутых надежд совсем доконало писательницу. Сильное нервное потрясение нарушило равновесие ее душевной жизни до такой степени, что А.М. пришлось поместить в буйное отделение больницы для психических больных.

Узнав о бедственном положении Мирэ, один из ее знакомых отправился в Пермь и привез ее в Москву. Здесь в студии режиссера Ф.Ф. Комиссаржевского был устроен в пользу писательницы благотворительный вечер, и на вырученные деньги А.М. принялась за правильное лечение. Летние месяцы 1913 г. Мирэ провела в «Чеховской комнате» Крюковского санатория⁷⁴, но как-то неожиданно

⁷³ Иначе этот эпизод описывает Н.Г. Чулкова: «Она всегда искала любви, тяготилась одиночеством, но красота ее увяла, и ей трудно было привлечь к себе кого-нибудь. Но вот кто-то из “доброжелателей” посоветовал ей обратиться к посредничеству “Брачной газеты”. Она прочла объявление какого-то агронома из Пермской губернии. Он желал иметь подругу, просил прислать фотографическую карточку и биографию особы, которая откликнется на его предложение. Мирэ написала ему и послала свою довольно эффектную фотографическую карточку. Получила ответ. Завязалась интересная переписка. Он влюбился заочно и прислал ей на дорогу к нему денег. Она поехала к нему. Ехала долго, устала и т.к. не умела по-женски прикрасить себя к встрече с ее будущим другом, приехав на назначенную станцию, вышла из вагона не выспавшаяся и не причесанная как надо, то вид ее настолько отличался от ее изображения на фотографии, что он не сразу узнал ее. Ей пришлось отрекомендоваться и тогда только он повез ее к себе, куда-то в село под Пермью. Агроном оказался хорошим хозяином, любил порядок в доме и чистоту. Мирэ не имела к этому никакого вкуса. Но зато как товарищ и собеседник Александра Михайловна могла быть очень приятной и интересной. Вот что писала она мне о своей жизни с этим человеком: “Я его очень сильно люблю, всем существом, очень глубоко. Но в этой любви много мучений... Помните, я говорила Вам раньше, что хотела бы знать, что такое настоящая любовь, не мимолетное увлечение, а любовь. Теперь я узнала ее, но еще не знаю... для жизни или для смерти”. “В сущности я мало его знаю, благодаря его крайней замкнутости и молчаливости. Он мне непонятен, а отношение его ко мне тоже непонятно. Зимой жить было трудно, я совсем как бы в темноте ходила, все время мучилась и недоумевала”» (РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 38–39).

⁷⁴ В машинописи ошибочно «Красновского». Имеется в виду санаторий Е.Н. Рукавишниковой и Н.А. Вырубова близ станции Крюково Николаевской железной дороги, где с 1909 г. содержалась особая «чеховская комната» для

для всех покинула ее и исчезла неизвестно куда. В течение полугода никто не слышал о Мирэ, и даже ближайшие ее друзья не знали, где она скитается и что с ней.

Только в декабре стало известно, что еще три месяца назад А.М. умерла на больничной койке и, никем не опознанная, похоронена на казенный счет в общей могиле. Беспокойное сердце нашло, наконец, свой вечный покой; вечная скиталица — она умерла совершенно одинокая, как и жила. Ее последний путь был так же скорбен и одинок, как и мятежные пути ее недолгой жизни. Всю жизнь одинокая, она по жестокой иронии нашла свой последний приют в общей могиле, и никто не положил цветов на ее безвестный казенный гроб.

Существовавшее тогда Общество деятелей периодической печати и литературы принялось за обследование последних дней жизни Мирэ и обстоятельств ее смерти. Из больничных книг удалось установить, что днем 24 августа 1913 г. в Старо-Екатерининскую больницу была доставлена в тяжелом состоянии А.М. Мойсеева. Доставили ее из дома Луповой с Михалковского шоссе. Кто доставил — неизвестно. 1-го сентября она скончалась от дизентерии. Перед смертью она сильно мучилась. В бреду, как говорят сиделки, она очень красиво разговаривала.

— Только понять мы не могли. Точно стихами говорила.

За неделю болезни никто не посетил больную; никто ни разу не справлялся о состоянии ее здоровья.

Похоронили А.М. 7-го сентября. В течение недели, что труп несчастной, одетый в больничную рубашку, валялся на нарах мертвецкой, никто не опознал и не востребовал ее.

В книжке у часовника мертвецкой Старо-Екатерининской больницы против фамилии Мойсеевой стоит надпись: «казен.»

— Что значит эта надпись?

— А на казенный счет хоронили, в казенном белье, в общей могиле.

поправки нервов нуждающихся писателей. Возможно, Кара-Мурза в изложении последних эпизодов путает хронологию; ср. в письме Н.Г. Чулковой к Ал.Н. Чеботаревской от 1 января 1913 г.: «Была ли у Вас недавно Мирэ? С ней у меня произошла какая-то странная история. Я поместила ее в психиатрическую клинику к Рыбакову, конечно с ее согласия, а она через неделю удрала оттуда, переругав всех докторов, и так себя там держала, что теперь уж ни за что туда ее не примут опять. Она поехала зачем-то в Петербург и вернулась очень скоро сюда. Просит устроить ее снова в клинику. Я прямо в отчаянии от ее поведения. Она сама себе все дело портит. Так всех извела [?], что никто не хочет о ней и слышать. Теперь уж дней пять ее нет, куда девалась, Бог знает. Боюсь, что кончится это все плохо» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 182. Л. 3–4). Рыбаков здесь — Павел Васильевич, а больница, следовательно, Московская Преображенская — значит ли это, что первая госпитализация состоялась не в Перми, а в Москве?

Отправились на Михалковское шоссе разыскивать дом Луповой. Он оказался за Петровско-Разумовским, совсем деревня. Нашли Лупову, словоохотливую старушку, которая не отказалась рассказать про свою квартирантку все, что интересует представителей литературы.

— А.М. приехала вечером 21 августа. У меня как раз комнатка свободная была. Сдала ее за 6 рублей в месяц. Странная какая-то была покойница. В первый же день я уже поняла, что либо больна она, либо не совсем нормальна. Все время молчала. Писала что-то. Напишет и разорвет. Потом опять напишет. Целые вороха исписала и порвала. На другой день слегла в постель. Боли начались сильные в животе. Мы испугались очень и пригласили врача. Он осмотрел больную и велел сейчас же в больницу везти. А.М. отказывалась, просила не отправлять. Но нельзя было. Боялись мы. Да не на что и лечить-то дома было. Ведь она приехала к нам в одном стареньком платье и пальто. Да корзина с какими-то бумагами и книгами. Со всем плоха была, когда повезли ее. Так за комнату и не получили. Комнату она за собой оставила. Из больницы о смерти дали знать спустя долгое время.

— А откуда она приехала к вам?

— Откуда-то из гостиницы. Вообще весь паспорт ее был исписан отметками. Нигде она больше месяца не жила, — больше по 3–4 дня. В Одессе была, в Киеве, Саратове и еще во многих городах. Не упомяну даже в каких⁷⁵.

Литературным наследием Мирэ заинтересовалось Общество деятелей печати и решило издать их, но так и не собралось этого сделать, и куда девалась корзина с рукописями и перепиской Мирэ, никому неизвестно. Помимо ее произведений беллетристического характера в архиве А.М. должны были быть имеющие большое историко-литературное значение письма писателей начала XX века.

Мирэ не оставляла мысли когда-нибудь в беспощадно правдивой книге рассказать о своей тяжелой судьбе, но всякий раз, когда приступала к этому роману, она бросала перо под наплывом мучительных воспоминаний, чувствуя свое бессилие передать в объективных художественных формах свою трагически прожитую жизнь. Весьма вероятно, что в исчезнувшей корзине были отрывки из этого ненаписанного романа, который по своим ужасающим бытовым подробностям мог бы быть тяжким обвинительным актом против бездушных социальных условий жизни буржуазно-капиталистического общества.

⁷⁵ Этот абзац дословно выписан из некролога: *Ю.К. Скорбный путь* (К кончине А. Мирэ) // Утро России. 1913. № 285. 11 декабря. С. 6. Там же названо имя Луповой, квартирной хозяйки: Дарья Ивановна.

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС

Когда на улицах Москвы я встречаю мчащийся автомобиль с литовским флажком и разглядываю сидящего в нем литовского посланника Ю.К. Балтрушайтиса, я переношусь мысленно за 35–40 лет назад, и вижу перед собой юного блондина в серой студенческой фуражке.

Я был на юридическом факультете Московского Университета, когда среди студентов, и не только студентов, но и профессоров распространился слух, что в университете объявился гениальный лингвист, студент с необычайными способностями к языкознанию и, что особенно замечательно — он появился не на филологическом факультете, как можно было бы ожидать, а на естественном. Вскоре мне назвали его фамилию, которая среди сотен Ивановых и Петровых, прозвучала для меня очень неожиданно: Балтрушайтис. Потом я узнал, что этот студент окончил курс Ковенской гимназии, что он сын очень бедных родителей, которые настолько нуждались, что юный гимназист во время летних каникул вынужден был заниматься пастушеством. Все эти слухи меня настолько заинтересовали, что однажды я пошел на естественный факультет со специальной целью посмотреть на этого необычайного студента, — и в небольшом студенческом буфете под лестницей мне указали на скромного голубоглазого блондина, с небольшими усиками. Впоследствии я узнал, что студент Балтрушайтис не только замечательный лингвист, но и талантливый поэт, пишущий отличные стихи.

В Университете Балтрушайтис дружил со студентом С.А. Поляковым, также естественником и также полиглотом, с которым они впоследствии совместно переводили скандинавских поэтов и основали книгоиздательство «Скорпион» и журнал «Весы», сыгравшие такую громадную роль в истории русского символизма и всего модернистического движения.

Поляков был по специальности математик-астроном и писал сочинения о числах⁷⁶. В 1897 г. он выпустил книгу: «Марс по наблюдениям 1892–1894 г.г.»⁷⁷. Но в душе это был мечтатель и поэт и больше всего любил языкознание. Он изучил все европейские языки, все ближневосточные и даже дальневосточные. О Балтрушайтисе и Полякове говорили шутя, что они поглощают языки с той же легкостью, как язык под зеленым горошком.

⁷⁶ О естественнонаучных достижениях Полякова см.: *Богомолов Н.А.* К истории символистского книгоиздания: автобиография С.А. Полякова // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014. С. 25–30.

⁷⁷ Поляков был не автором, но переводчиком книги: *Мейер М.В.* Марс по наблюдениям 1892–1894 годов. М., 1897.

По окончании Балтрушайтисом университетского курса, я на некоторое время потерял его из виду. Но зимой 1899 г., просматривая декабрьскую книжку популярного в те годы «Журнала для всех», издаваемого В.С. Миролубовым, я неожиданно наткнулся на прекрасное стихотворение, подписанное «Ю. Балтрушайтис»: «Тихо спят тополя, онемели поля; Подымается ночь бесконечная».

Кончалось стихотворение такими строками:

В стройном вихре миров упадет покров
С молчаливого образа Вечности.

Характерно, что этот образ молчаливой Вечности, о котором поэт пишет в своем первом же юношеском стихотворении, сопровождает впоследствии весь путь поэтического творчества Балтрушайтиса. Позднее поэт изменил несколько эпитетов в этом дебютном стихотворении и поместил его в своем сборнике «Земные ступени», как посвящение В.С. Миролубову. В исправленном варианте это стихотворение читается следующим образом:

Чутко спят тополя... Онемели поля
Раскрывается ночь бесконечная...

И кончается так:

В звездном вихре миров упадет покров
С молчаливого образа Вечности.

1899-й год, канун нового столетия, является знаменательным и поворотным годом как в личной жизни, так и в литературной судьбе поэта. В 1899 году он вместе с С.А. Поляковым основывает книгоиздательство «Скорпион», в котором протекает вся литературная деятельность Балтрушайтиса. В этом же году он знакомится с поэтом Валерием Брюсовым, с именем которого в значительной степени связана его поэтическая карьера. И, наконец, осенью 1899 г. он женится на М.И. Оловянишниковой, дочери очень известного в Москве крупного фабриканта церковной утвари. Оловянишниковы принадлежали к новейшему типу промышленных предпринимателей европейского образца, подводивших под свое производство художественную и идеологическую базу: производя на своих фабриках и заводах лампы, паникадила, подсвечники, парчовые ризы и прочие предметы религиозного культа, они в то же время издавали роскошный художественно-археологический и религиозно-индустриальный журнал под названием «Светильник». Шаферами на свадьбе Балтрушайтиса были: С.А. Поляков и В.Я. Брюсов.

С зимы 1900 г. Москва обогащается еще одним литературным домом: заживши по-семейному, Ю. Балтрушайтис устраивает у себя вечера, на которых бывают преимущественно писатели модернисты и поэты-символисты. Он и сам начинает появляться во всех

литературных и художественных обществах Москвы: в Литературно-Художественном кружке, где как раз в эти годы происходили жесточайшие полемические схватки между сторонниками нового искусства и писателями-староверами, адептами реалистического мировоззрения. Затем он бывал постоянным гостем на журфиксах Общества Любителей Художеств, где каждую среду собирались все выдающиеся в то время художники: Коровин, Врубель, барон Клодт и др. Они делали зарисовки и наброски, кто пером, кто акварелью, а Балтрушайтис экспромтом писал к этим эскизам стихи. Позднее Балтрушайтис принимал живое участие в обществе «Свободная эстетика», в котором собиралось изысканное московское общество, причастное к новейшим движениям в искусстве: в поэзии, музыке и живописи.

Лично я познакомился с поэтом в литературном салоне Варвары Алексеевны Морозовой, известной московской благотворительницы и общественной деятельницы, которая собирала в своем гостеприимном доме не только известных писателей с именами: Чехова, Боборыкина, Немировича-Данченко, Кони, Эртеля, Мачтета и др., но и зеленую литературную молодежь⁷⁸. Помню, в октябре 1900 г. молодой литератор В.Ф. Саводник читал у В.А. Морозовой свой реферат о творчестве умершего летом этого года Владимира Соловьева; на этом вечере присутствовало все издательство «Скорпион»: Поляков, Брюсов, Балтрушайтис, с которым я в этот день свел личное знакомство⁷⁹. Затем вскорости молодой беллетрист Георгий Чулков прочел свой доклад о поэзии Брюсова; на этом докладе также присутствовал Балтрушайтис⁸⁰.

⁷⁸ Салону Варвары Алексеевны Морозовой (1848–1917) Кара-Мурза посвятил отдельную главу воспоминаний (РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 15).

⁷⁹ Это утверждение противоречит записям в дневнике Брюсова: так, он в ретроспективной записи октября 1900 г. упоминает об отъезде Балтрушайтиса («Много видался с С. Поляковым. За отъездом Балтрушайтиса он обратил свое свободное время на меня, да и общих дел у нас оказалось много») и здесь же записывает свое впечатление от упоминаемой Кара-Мурзой встречи: «Был на литературном вечере у В.А. Морозовой. Читал Саводник о Вл. Соловьеве. Присутствовали разные либеральные люди: Ермилов, П.С. Коган etc., затем молчаливые студенты, из числа которых нашлись мои читатели. Было еще несколько человек артистов Художественного театра. Конечно, Соловьева скоро забыли и, ввиду моего присутствия, спорили о “символизме”» (*Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 109*).

⁸⁰ Этот вечер состоялся 14 января 1901 г., ср. в дневнике Брюсова: «Вчера у Морозовых Чулков читал реферат обо мне, очень восторженный, но очень поверхностный. Я первый напал на референта и разобрал его реферат жестоко... Все, даже явные мои недоброжелатели, бросились защищать бедного, обескураженного Чулкова и, защищая его, тем самым защищали мои стихи» (Там же. С. 118).

И, наконец, в эту же зиму сам Балтрушайтис прочел свой интереснейший реферат о драматургии Габриэля Д'Аннунцио, произведения которого он начал изучать и переводить с итальянского⁸¹. Доклад Балтрушайтиса о Д'Аннунцио явился для Москвы совершенной новостью и неожиданностью, так как москвичи ничего еще не слыхали о пьесах даровитого итальянского писателя.

Летом 1900 г. я помню Балтрушайтиса в военной форме: он отбывал воинскую повинность и жил в лагерях. Интересно отметить, что войдя в состав редакции «Скорпиона» и находясь в кругу писателей-индивидуалистов, Балтрушайтис в то же время не чуждается писателей-общественников, реалистов, настроенных революционно. Он вращается в обществе Максима Горького, Леонида Андреева, социал-демократов, где бывали Поссе, Скимунт, Шаляпин, Скиталец и др. И отдаваясь во власть эготической философии и символистической поэзии, поэт оставался верен своим основным социальным убеждениям: «что глубочайшим долгом человека является пожизненная борьба за общую жизнь, одинаково справедливую и одинаково полную для всех»⁸².

Когда в апреле 1901 г. Горький был арестован, Балтрушайтис вместе с прочими его друзьями принимал меры к освобождению писателя⁸³. Однажды на вечере в квартире Горького Балтрушайтис читал свой рассказ, в котором между прочим изображался круг горизонта, как нечто мучительное и губящее, как предел, из которого не вырвешься⁸⁴. Интересно, как разное воспринимался различными писателями этот выдвинутый Балтрушайтисом мотив о горизонте. Горький, например, высказался следующим образом: «Ну, я этот круг видел, и чувствовал иное. Меня не пугало, что от него не уйдешь, а напротив, радовало всегда, что я, вот я, — в самом центре этого круга, а все остальное кругом меня» (см. В.Я. Брюсов «Дневники»⁸⁵).

Посещает Балтрушайтис также заседания Московского Психологического общества на докладах религиозно настроенных философов, мистиков и спиритуалистов. Однажды, после доклада, прочитанного в этом обществе Д.С. Мережковским в 1901 г. весь пре-

⁸¹ Этот доклад также упоминает Брюсов в общей записи о рубеже 1900 и 1901 гг.: «Любопытнее было собрание у доктора N, где Юргис повторил свой реферат о д'Аннунцио» (Там же. С. 117).

⁸² Балтрушайтис Ю. Автобиографическая справка // Русская литература XX века. 1890–1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. 2. М., Б.Г. С. 298–299.

⁸³ Об отношениях писателей см.: Салинка В. Письма Ю. Балтрушайтиса к Горькому // Вопросы литературы. 1968. № 7. С. 249–252.

⁸⁴ Среди немногочисленных прозаических опытов Балтрушайтиса ближе прочих (хотя и не полностью подходящим) кажется рассказ «Капли» (Северные цветы на 1901 г., М., 1901. С. 55–65).

⁸⁵ Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 111.

зидиум этого общества вместе с докладчиком и его женой З.Н. Гиппиус поехал ужинать в ресторан «Славянский базар»⁸⁶. Балтрушайтиса упросили прочесть стихи и он прочел несколько своих новых вещей, имевших большой успех.

Так постепенно, в течение двух-трех лет, поэт вошел во все общественные круги Москвы: профессорские и артистические, литературные и художественные, и везде стал своим человеком.

Каждый год Балтрушайтис ездил за границу, откуда писал прекрасные письма, которые с интересом читались не только адресатами, но и другими его друзьями. В 1901 г. летом был в Норвегии, где видел Ибсена. «Он так дряхл, писал Балтрушайтис, что ветер валит его с ног; он не выходит на улицу без лакеев»⁸⁷. Весной 1902 г. поэт уехал в Италию, а лето провел в Швейцарии. В 1903 г. жил вместе с К. Бальмонтом в Меррекюле. Позднее он объездил почти все страны Европы и Америку.

Балтрушайтис владеет большим количеством иностранных языков: греческим, латинским, итальянским, английским, французским, норвежским, шведским, испанским, польским и др. Переводил произведения Ибсена, Д'Аннунцио, Гамсуна, Стриндберга и др. Он со-

⁸⁶ Доклад Мережковского о Толстом был прочитан в субботу 8 декабря 1901 г.; впечатления от него подробно описаны: *Белый А.* Начало века. М.: Л., 1933. С. 177–182. Ср., кстати, свидетельство одного из зрителей: «В субботу вечером Мережковский читал здесь в закрытом заседании Психологического общ. реферат о Толстом; меня провел Айхенв[альд]. Было бы долго рассказывать. Дело в том, что по надежным слухам Мережк[овский] с Победоносцевым основывают в Пет[рограде] православно-философское общество; реферат имел целью доказать: 1) что русская интеллигенция неправильно поняла постановление синода: оно — вполне естественно (констатирует несомненный факт) и вполне христианское; 2) что наш нынешний строй, где церковь подчинена государству — ненормален; должно быть наоборот. Попутно доказывалось, что православие — единственно-культурный путь (между христианством — церковью — греко-российской церковью не делалось различий, и примеры из прошлого служили для доказательства нынешних ценностей).

Была и жена Мережк[овского] — Гиппиус: вот интересная женщина!

В прениях участвовали Бугаев, Герье, Трубецкой, Шарапов; существенный пункт все обошли, но первые трое сильно пощипали Мережк[овского]. — Сам он — по-моему, отталкивающий субъект, но голос у него великолепный» (письмо М.О. Гершензона к брату от 10 декабря 1901 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 19. Ед. хр. 11. Л. 28 об.–29). О последующем вечере в «Славянском базаре» см.: *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 130. Вопреки мнению Кара-Мурзы, знакомство Мережковских с Балтрушайтисом произошло днем раньше, в пятницу 7 декабря, в гостях у Брюсова: «Юргис не понравился. Зиночка говорила, что в “Мире искусства” его зовут: “Also sprach Baltruschaitis”. — Конечно, это она сама выдумала» (Там же. С. 129).

⁸⁷ Кара-Мурза цитирует письмо Балтрушайтиса по дневнику Брюсова (Там же. С. 123).

трудничал во многих литературных журналах: «Весы», «Золотое Руно», «Правда», «Русская Мысль», «Северные Записки», «Заветы», в английском журнале «The Mask».

Только через 12 лет после своего первого литературного дебюта в «Журнале для всех» Балтрушайтис выпустил первый сборник своих стихотворений «Земные ступени» (1911 г.), в котором собрал свои элегии, песни и поэмы. Книга, посвященная жене поэта Марии Балтрушайтис, была издана книгоиздательством «Скорпион» весьма изысканно. Рисунок обложки был взят из книги: «Il Palazzo Ducale di Venezia. 1842» с гравюры М. Комирато. Эта гравюра воспроизводит надпись, высеченную скульптором Александром Витториа во внутренней галерее Дворца Дожей против лестницы гигантов в честь Генриха III Французского. Отдельные циклы стихотворений сопровождались разнообразными эпиграфами, заключающими цитаты из Гете, Вильяма Йтса, Вильгельма Эжелунда, Микель Анджело, Пэра Халлстрема, Бен Джонсона, Гвидо Кавальканти, Вильяма Блека⁸⁸ и др.

Через год, в 1912 г., в том же издательстве «Скорпион» поэт издал второй сборник своих стихотворений «Горная тропа», также посвященный жене поэта Марии Балтрушайтис. Обложка этого сборника, уже менее изысканная, воспроизводит скромный типографский шрифт. Разделы книги по-прежнему возглавляются цитатами из Данте, Сервантеса, Байрона, Теннисона, Эдгара По и др. В том же году, во Флоренции, вышел сборник стихотворений Балтрушайтиса на итальянском языке: «La Scala terrestre. Firenze 1912».

Остальные свои произведения поэт предполагал опубликовать в следующих изданиях: «Лилия и серп» — сборник стихотворений, «Шелест трав» — рассказы, «Искры в пепле» — драматические эпилоги, «Спутники Колумба» — трагическая поэма в трех видениях с прологом, «Средь детей ничтожных мира» — драма в трех действиях⁸⁹. Война и последующие события, к сожалению, помешали Балтрушайтису осуществить свои планы и до сих пор все названные произведения не опубликованы и находятся в портфеле писателя. В предвоенные годы поэт дружит с артистами, художниками, писателями; много времени проводит он с знаменитым английским режиссером Гордоном Крегом, приехавшим в Москву ставить в Художественном театре «Гамлета». Он посвящает свои стихи сестре Антона Чехова М.П. Чеховой, профессору Г.Г. Шпет, К.Д. Баль-

⁸⁸ Кара-Мурза называет (иногда архаично транскрибируя) имена Уильяма Йейтса, шведского поэта Вильгельма Эжелунда (1880–1949), шведского инженера, поэта и прозаика Пера Халлстрема (1866–1960), Уильяма Блейка.

⁸⁹ Анонсы всех этих изданий были помещены в вышедших сборниках Балтрушайтиса. Напечатана из них была только книга «Лилия и серп» (Париж, 1948; посмертно).

мону, и друзьям-итальянцам: Джузеппе Ванникола, Джиованни Амендола, Еве Кюн Амендола⁹⁰ и др.

Особо следует остановиться на дружбе поэта с знаменитым композитором Скрябиным, которому Балтрушайтисом посвящено много стихотворений. Его лирика была очень близка по духу философской музыке Скрябина и, вероятно, вследствие этого, оба мастера чувствовали друг к другу взаимное влечение. Балтрушайтис видел в скрябинских интуициях и настроениях какое-то могучее и побеждающее своей цельностью миропонимание. Скрябин ценил в поэзии Балтрушайтиса способность пантеистического ощущения природы. Как известно, в последние годы жизни Скрябин был занят созданием своей Мистерии. Но еще до осуществления мистерии композитор пришел к мысли о сочинении, названном им «Предварительным Действием», грандиозной кантате на сюжет Мистерии, которая должна была исполняться не в порядке концерта, а в виде некоего действия, без непосвященных. Скрябин написал стихотворный текст к Предварительному Действию, в котором выразил свои взгляды на сущность мира⁹¹. Свою поэтическую работу он представил на рассмотрение и суд своих друзей-поэтов: Ю. Балтрушайтиса и Вячеслава Иванова, прося их непременно высказать свое искреннее, но авторитетное слово. Он не был уверен в своих силах в этой области. Но его друзья-поэты предпочли не огорчать композитора и высказали свое мнение весьма осторожно, что было понято Скрябиным как полное одобрение⁹². На самом же деле Скрябин, великий художник звука, в области поэзии оказался далеко не на высоте. Он создал не самостоятельное поэтическое произведение, а навеянный мотивами поэтов-символистов, технически неумелый стихотворный текст. Когда Скрябин умирал от карбункула, вскочившего на верхней губе, Балтрушайтис был у постели угасающего композитора. А после его смерти он явился инициатором создания «Скрябинского Музыкального Общества».

Глубоким доверием дарила Ю. Балтрушайтиса замечательная русская актриса Вера Комиссаржевская, советовавшаяся с ним в самые критические моменты своей жизни. Осенью 1909 г. артистка со своей труппой гастролировала на юге России, переживая острый кризис своего творчества. В середине ноября она вызвала из Моск-

⁹⁰ Джузеппе Ванникола (1886–1915) — итальянский музыкант и писатель; Джиованни Амендола (1882–1926) — журналист и политик; Ева Кюн-Амендола (1880–1961), его жена, была родом из Вильнюса; она перевела на итальянский книгу Балтрушайтиса 1912 г.

⁹¹ Текст «Предварительного Действа» был напечатан М.О. Гершензоном в 1919 г. (Русские пропилеи. М., 1919. Т. 6. С. 120–247).

⁹² Отзыв Вяч. Иванова был разыскан сравнительно недавно: *Берд Р.* Неизданный текст Вячеслава Иванова о «Предварительном Действе» А.Н. Скрябина // Русская литература. 2006. № 3. С. 147–151.

вы Балтрушайтиса в Харьков на совещание. О чем они говорили, никому не было известно. Труппа, очень заинтересованная приездом поэта, предполагала, что темой обсуждения могла быть программа будущего сезона или заказ на переводы новых пьес. Но ожидания труппы были обмануты. В.Ф. Комиссаржевская созвала актеров и послала им в закрытом конверте свое известное письмо, в котором писала следующее: «То большое волнение, какое переживаю я, касаясь того, о чем скажу сейчас, помешало бы мне говорить, и поэтому я пишу. С теми из Вас, кто пришел в мой театр, веря в него, с теми из вас, кто работал и работает со мной, веря в меня — я должна, я хочу поделиться своим решением. По окончании этой поездки я уйду совсем из театра. Надолго ли, навсегда ли зависеть это будет не от меня. Я уйду потому, что театр в той форме, в какой он существует сейчас — перестал мне казаться нужным и путь, которым я шла в исканиях новых форм — перестал мне казаться верным»⁹³. Это было за два месяца до смерти Комиссаржевской, последовавшей в Ташкенте, от черной оспы. Мы видим, что в самый роковой момент своей артистической жизни, в минуту принятия важнейшего решения об отречении от сцены великая актриса почувствовала потребность в советах Балтрушайтиса.

В 1913 г. в Москве открылся «Свободный театр», памятный всем истинным любителям сцены, мелькнувший ярким метеором на театральном горизонте предвоенной России. Это был синтетический театр, культивировавший все виды сценического зрелища: драму и оперу, оперетту и пантомиму. Стоявший во главе театра известный режиссер К.А. Марджанов, впоследствии народный артист грузинской республики, пригласил в качестве Заведующего литературной частью репертуара Ю. Балтрушайтиса. Театр шел в ногу со всем культурным миром, откликался на все события исторического и общественного характера. Так, например, еще до открытия сезона, 15-го июля, был отмечен день смерти Лермонтова, и на общем собрании всей труппы Балтрушайтисом была произнесена блестящая, вызвавшая чрезвычайный интерес всех присутствующих речь, посвященная Лермонтову.

После закрытия, вследствие разразившейся войны, «Свободного театра», Балтрушайтис вместе с А.Я. Таировым, А.Г. Коонен и Н.П. Аслановым⁹⁴ организовал в 1914 г. «Камерный театр», кото-

⁹³ Точную хронологию этих эпизодов и комментариев к ним см.: *Рыбакова Ю.П.* В.Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества. СПб., 1994. С. 476–478. Балтрушайтис оставил воспоминания об этой своей беседе с актрисой: *Балтрушайтис Ю.* Последний замысел (Впечатления) // В.Ф. Комиссаржевская. Альбом «Солнца России». Пг., 1915. С. 33–35.

⁹⁴ Асланов Николай Петрович (1877–1949) — артист, режиссер, театральный деятель.

рый существует до настоящего времени, уже как Государственный театр и в нынешнем году справляет свое двадцатилетие.

В первые дни свобод после февральского переворота Балтрушайтисом был написан прекрасный «Гимн Родине»⁹⁵, на который композитор А. Архангельский сочинил музыку. Помню мартовский вечер в театре «Летучая Мышь», в котором впервые исполнялся этот гимн и Балтрушайтис имел большой успех⁹⁶.

В 1918 г. поэт был выбран первым председателем Всероссийского Союза Писателей. В то же время он работал в Театральном Отделе Народного Комиссариата Просвещения и заведовал его репертуарной секцией, которая под руководством Балтрушайтиса составила и опубликовала списки пьес мирового и современного репертуара, рекомендуемых для постановки.

Хочется здесь отметить одно очень характерное для Балтрушайтиса литературное выступление 1918 г. Это — весьма сочувственное предисловие к сборнику стихов «Эра Славы» пролетарского поэта Ивана Филипченко⁹⁷. Позволю себе привести следующие строки Балтрушайтиса о молодом поэте: «Он любит краткое пламя пастушеского костра, но ему ближе слепящая молния в ночи. Как набат ему слаще свирели. Так должно быть, если в своем творчестве поэт верен своей внутренней стихии. Автор жарко ищет в мире не умиления о частном, а ликования об общем, не сладостно-журчащего ручья, а грохота обвалов и воющего шума морского прибоя; на полевой меже он не замечает или не хочет замечать отдельного и одинокого василька, а видит только все поле, видит только прос-

⁹⁵ Текст его не разыскан. Заслуживает внимания версия Ю. Тумялиса, согласно которой имеется в виду стихотворение «Привет родине» («Прахом распались оковы...») (Русское слово. 1917. № 57. 12 марта. С. 1; текст: Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. Вильнюс, 1969. С. 454); см.: Из несобранных и неопубликованных стихотворений Юргиса Балтрушайтиса / Подготовил Ю. Тумялис // Literatūra ir kalba. XIII: Lietuvių poetikos tyrinėjimai. Vyg. redaktorius K. Korsakas. Vilnius: Vaga, 1974. P. 339–341; электронная публикация: http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_14.html

⁹⁶ Ср. кстати: «Первой из театров [sic], давших новое в послереволюционную пору, явилась “Летучая мышь”. Но значительная часть ее новой программы была подготовлена еще при старом режиме и потому не отличалась от обычных прежних номеров. Быть может только от инсценировки старой поэмы гр. А.К. Толстого “Сон Попова” веет уже духом свободы, как веяло им и от остроумных речей г. Балиева, и от гимна г. Архангельского на слова г. Балтрушайтиса» (Джонсон И. [Иванов И. В.] Московские письма. XXXI // Театр и искусство. 1917. № 13–14. С. 236).

⁹⁷ Филипченко Иван Гурьевич (1887–1937) — поэт. До последнего времени дата его смерти была предположительной — по одной версии он был расстрелян в 1937-м, по другой — погиб в заключении в 1939-м. Недавно обнаруженные документы подтверждают первую из них. В указанной книге предисловие Балтрушайтиса соседствует со вступительным словом Брюсова.

тор, где стремительный ветер на версты и версты вздымает в поле ржи беспрерывные волны кивающих колосьями стеблей». Эти строки очень показательны не столько для И. Филипченко, сколько для самого Балтрушайтиса. Краткое предисловие заканчивается очень ценным признанием. «В суровое и смутное время борьбы — пишет Балтрушайтис — в роковую пору лавин и расцелин, задевших сердцевины дрогнувшего мира певцу борьбы и в сей воинствующей жизни, очевидно трудно быть только поэтом».

В последний раз на литературной арене я видел нашего поэта в декабре 1919 г. в Московском Художественном театре. Всероссийский Союз писателей чествовал Балтрушайтиса по поводу двадцатилетия его поэтической деятельности. Я подписал приветственный адрес и присутствовал на юбилейном вечере, носившем очень душевный характер. С речами и стихами, посвященными юбиляру, выступали Бальмонт, Андрей Белый⁹⁸, Георгий Чулков, Иван Аксенов и др. Сенсацию вызвало появление индусского поэта Сураварди⁹⁹, прочитавшего стихотворение, посвященное Балтрушайтису, на индусском языке. В ответ на все приветствия Балтрушайтис прочел несколько неизданных своих стихотворений, а также некоторые старые. Это была моя последняя встреча с поэтом, который вскорости перешел на дипломатическую деятельность, продолжая традицию таких писателей-дипломатов, как Ксавье-де-Местр, Тютчев, Клод Фаррер, Морис Палеолог, Поль Клодель, Пьер Лоти и др.

Переходя к оценке поэзии Балтрушайтиса, я должен сказать, что в большой публике поэт недостаточно популярен и, невзирая на наличие ряда очень ценных высказываний его друзей и читателей, критическая литература о нем не очень обширна: ибо он поэт не для массы, а для знатоков и избранных ценителей поэзии. В его творчестве нет тех элементов поэзии, которые делают поэта угодным и любимым в массах: в его стихах совершенно отсутствуют общественные мотивы и эротика, нет в них также урбанистических настроений. Это поэт вне истории, вне территорий. Лирика его настроена философски и родственна философским течениям русской поэзии, представляемым поэтами Баратынским, Тютчевым, Вл. Соловьевым. Балтрушайтис — поэт Любомудр и Богомолец. Могучей и плодоносной струей его лирики является религиоз-

⁹⁸ Об этом выступлении см.: *Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007. С. 216–218. Краткое упоминание о юбилее см. также: *Волжанин О.* Письмо из Москвы // Вестник литературы. 1920. № 1. С. 14.

⁹⁹ Хассан Шахид Сураварди (1890–1965) — индийский поэт, переводчик и журналист, приметное лицо в российской культурной жизни 1916–1920-х годов. О нем см. превосходную справку Д. Малмстада (*Малмстад Д.* Переписка В.Ф. Ходасевича с А.В. Бахрахом // Новое лит. обозрение. 1993. № 2. С. 187–188).

ность. Стихи и раздумья поэта — те же молитвы, и как благоговейны, как чисты, как смиренны они. Иногда религиозность поэта переходит в мистику: он возвеличивает ночь, воспевает ее мистическую загадочность, мистический смысл земли и земной жизни. Он чувствует свое пантеистическое единство с природой, приемлет жизнь, мир, радость земли, ее страду, ее звонкое утро. *Gloria in excelsis Deo*¹⁰⁰ — восклицает он благодарственно. Но рядом с этим оптимистическим жизнепониманием поэт задумывается над зыбкостью всего земного и философски осознает всю его бренность.

Внешняя форма его стихотворений торжественна и проста. Поэт чужд новаторства и следует классическим образцам. По выражению Вячеслава Иванова, Балтрушайтис создал свой особый лирический жанр, соединение гимна и элегии; его строфы — это песнопения и псалмы, они звучат, как органная fuga¹⁰¹. Упомянутого Вячеслава Иванова следует считать лучшим знатоком и истолкователем поэзии Балтрушайтиса. Со слов самого поэта, своего друга, он объяснил нам значение и смысл символов, скрытых в книге стихов «Земные ступени». Семь последовательных ступеней осознания личностью мира и ее самой различает поэт в своем прошлом внутреннем опыте — и дает этим ступеням неожиданное и многозначительное наименование «Семи забвений». Свое первое «забвение» (обнимающее период до 1900 г.) поэт характеризует, как простое «стояние в мире — без вопросов и ответов»; он поглощен разглядыванием вещей и эстетической их расценкой. Второе забвение — чувство сиротства и отторженности. Пробудившейся личности противостоит мир и в душе поэта рождается благоговение из страха. В корне третьего забвения — чувство покорности, добровольного согласия на высшую волю. Этот выход был чисто религиозный и совершился он под знаком «молись». Наступление нового, четвертого периода душевной жизни поэта связано с итальянскими впечатлениями от творений Микель-Анджело, особенно от его «Ночи». Поэт проникается скорбью человеческой предельности и ощущением жизни, как бреда. В 1908 г. забрезжило перед поэтом то, что он называет «началом мира в человеке» и печаль уже просветленная отмечает пятую ступень поэта, как опыт первой живой связи между ним и вселенной. На следующей, шестой ступени таинство познания согласно общего ритма его развития находит свою трагическую антитезу: «трагически» переживает он единство личности и мира, «капли и моря». И только в 1912 г. со вступлением в круг последнего из доселе изведанных им «забвений» поэт обретает в

¹⁰⁰ Слава в вышних Богу (*лат.*)

¹⁰¹ Здесь и далее пересказывается статья Вяч. Иванова «Юргис Балтрушайтис как лирический поэт» (Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. 2. М., Б.г. С. 301–311).

углубленном чувстве гармоничного слияния с миром источник внутренней свободы и мужественного пафоса.

Друг и долголетний сотрудник Балтрушайтиса Валерий Брюсов характеризовал поэзию своего друга следующими словами: «Что Балтрушайтис истинный поэт это чувствуешь сразу, прочтя два-три его стихотворения. Балтрушайтис как-то сразу, с первых своих шагов в литературе обрел себя, сразу нашел свой тон, свои темы и уже с тех пор ни в чем не изменил себе. Основной пафос поэзии Балтрушайтиса — символизация всей окружающей действительности и в этом смысле его сборник очень удачно назван: “Земные ступени”. Поэт ничего в жизни и ничего в мире не воспринимает просто, как явление, но во всем видит иносказание, символ. Балтрушайтис почти не говорит ни о чем одиночном, конкретном; постоянно противопоставляет себя вселенной, всему миру. В его стихах нет ничего другого, кроме самого поэта и мира, других индивидуальностей для Балтрушайтиса не существует, и он говорит или о себе или о человечестве»¹⁰².

В Дневниках Брюсова мы находим такое ценное высказывание. «В Италии Балтрушайтис рассказывал мне про раковины так, что я ахнул: поэт, крупный поэт Юргис»¹⁰³.

В книгах Конст. Бальмонта мы встречаем немало посвящений и упоминаний о нашем поэте.

Милый Юргис, ты похитил
Ветер, ветер у меня;
Ветер, ветер, ветер, ветер
Ты похитил у меня¹⁰⁴, —

пишет в одном месте Бальмонт.

А другое его стихотворение посвящено:

Угрюмому, как скалы, Балтрушайтису¹⁰⁵.

¹⁰² Из рецензии Брюсова на сборник «Земные ступени» (Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М., 1990. С. 344–345).

¹⁰³ Кара-Мурза ошибается: это не дневниковая запись, а эпизод из воспоминаний Белого: «— Раз он сказал, — дернул губы мне Брюсов. — В Италии: он рассказал мне про раковины так, что я ахнул: поэт, крупный, Юргис!» (Белый А. Начало века. М.; Л., 1933. С. 381).

¹⁰⁴ Кара-Мурза цитирует по памяти; в оригинале: «Гордый Юргис, ты похитил Ветер, Ветер у меня / Ты подслушал и расслышал, как он шепчет, нас дразня» (впервые: Новый путь. 1904. № 1. С. 146–147).

¹⁰⁵ Характеристика из коллективной дедикации книги Бальмонта «Будем как Солнце» (М., 1903): «Посвящаю эту книгу, сотканную из лучей, моим друзьям, чьим душам всегда открыта моя душа: брату моих мечтаний, поэту и волхву Валерию Брюсову, — нежному, как мимоза, С.А. Полякову, — угрюмому, как скала, Ю. Балтрушайтису, — творцу сладкозвучных песнопений

Молчаливость — одно из основных свойств Балтрушайтиса, и об этой черте упоминают многие мемуаристы. В своих воспоминаниях о Скрябине музыкальный критик Л. Сабанеев пишет: «Членом нашего интимного кружка был сосредоточенно мрачный Балтрушайтис, который мог часами сидеть в одной позе в кресле, ни слова не сказав, человек, от которого всегда ждалось какое-то очень веское слово. Но он говорил это веское слово, обычно в такой неопределенной формулировке, что над расшифровкой его требовалось думать, как над вещаниями пифийского оракула»¹⁰⁶.

Судя по этой цитате, нужно полагать, что автор воспоминаний музыкант Сабанеев не очень любил думать и задумываться над чужими словами.

Я лично вспоминаю, как на одной дружеской елке, среди прочих шуточных подарков предполагалось подарить поэту и даже, кажется, преподнести коробку визитных карточек с надписью: Ю.К. Балтрушайтис, уроки красноречия, там-то и тогда-то. Это было явное указание на то кресло за столиком, где в дружеской компании поэт сидел молча, часами не проронив ни одного слова.

Это же свойство — молчаливость — отмечает в своем портрете и Илья Эренбург: «Балтрушайтис так часто повторяет слово “немотствовать”. В черном наглухо застегнутом сюртуке Балтрушайтис молчит, но не просто молчит, а торжественно, непоколебимо, как будто противопоставляя убожеству и суете человеческих слов благое молчание... Великой суровостью дышит лик Балтрушайтиса; это суровость северной природы. Редко, редко младенческая улыбка, как беглый луч скупого солнца озаряет на миг его. На пустынном лице Балтрушайтиса особенно значителен рот, горько сжатый рот, как будто невидимый перст тяжелый и роковой лежит на нем. Немой Балтрушайтис, когда приходит урочный час, разрешается сжатыми, строгими строками. Стихи его — гравюра по дереву, в них только черные и белые пятна. Они похожи на голые стены древней молельни, где нет ни золотых риз икон, ни крытых пестрыми камнями статуй, где человек глаз на глаз ведет извечный спор с грозным Вседержителем. Читает стихи Балтрушайтис размеренно

Георгу Бахману, — художнику, создавшему поэму из своей личности М.А. Дурнову, — художнице вакхических видений, русской Сафо, М.А. Лохвицкой, знающей толк в колдовстве, — рассветной мечте Дагни Кристенсен, валькирии, в чьих жилах кровь короля Гаральда Прекрасноволосого, — и песенному цветку Люси Савицкой, с душой вольной и прозрачной, как лесной ручей». Впрочем, повторял он ее и изустно, ср.: «Как-то в Мастерской Пронина ко мне кинулся Бальмонт и, как всегда, восторженно-напевно воскликнул: — Алиса, познакомьтесь, Юргис Балтрушайтис — угрюмый, как скала! Любите его стихи и опасайтесь его философии!» (Коонен А. Страницы жизни. М., 2003. С. 106).

¹⁰⁶ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. М., 2000. С. 153–134.

и глухо, не выдавая волнения, не возвышая и не понижая голоса, как путник, повествующий о долгих скитаниях в пустыне. В его кабинете пусто, только стол рабочий и большое распятие»¹⁰⁷.

Чрезвычайно яркие и характерные штрихи к портрету Балтрушайтиса дает в своих мемуарах Андрей Белый. «Тихий и флегматичный, он в годах вырастал как поэт. Лирика его стихов о цветах и о небе; поэт полей он и под потолком чувствовал себя как под открытым небом. На литературном журфиксе Балтрушайтис сидел с таким видом, точно он грелся на солнце и точно под ногами его золотела нива, не пол. Он достал из кармана листок и прочел мне неожиданно свое стихотворение, только что написанное о том, как над нивой висело небо, и в чтении стихов сказался весь, как поэт. Поперечной морщиной бороздился его умный лоб, и гудел басок, тусклый как голос рога. Казалось: с надлобной морщины несло точно сосредоточенным холодом — Стриндбергом, Ибсенем; он переряженный в партикулярное платье Зигурд; цвета серого пара, как скалы Норвегии, глаз цвета серых туманов Нордкапа. И глаза голубели цветочками луга Литовского, около Ковно; нордкаповский туман только утренний свежий парок, занавесивший теплое и миротворное солнышко»¹⁰⁸.

Андрей Белый вспоминает, как не раз Балтрушайтис спасал положение в журнале «Весы», как в критические минуты коллектив сотрудников обращался к его помощи. «С ним точно подводная лодка — “Весы” — выплывали к поверхности, портились наши компасы, манометр ломался; толчок — праздно слонявшийся Юргис тогда только брался за руль: “Надо плыть руководствуясь звездами”. И проведя по опасному месту на палубе снова болтался, чтобы с первой шлюпкой на берег, исчезнуть надолго»¹⁰⁹.

А. Белый рассказывает также о своей встрече с Балтрушайтисом, уже как с посланником в 1921. «Выдавая мне визу в Литву, он встал как прежде в “Весях” и сказал: “очень жаль, что ты едешь, надо бы мне сказать тебе”, но посмотрел на часы он, и с нордкапским туманом в глазах он пошел в свой посольский авто. И не надо сказать, потому что все сказано, сказ его — лирика стихов о цветах и о небе»¹¹⁰.

О значении Балтрушайтиса в «Весях» говорит в своих литературных воспоминаниях также П. Перцов. «Почти в каждом деле имеются такие весьма важные, но незаметные на отдалении двига-

¹⁰⁷ *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин, 1922. С. 15 (с сокращениями).

¹⁰⁸ Сильно деформированная цитата из: *Белый А.* Начало века. М.: Л., 1933. С. 380–382.

¹⁰⁹ Там же. С. 381.

¹¹⁰ Там же. С. 382.

тели, в высшей степени полезные и даже необходимые участники дела. Таким был в “Весах” Балтрушайтис»¹¹¹.

Зинаида Гиппиус говорила, что в Петербурге одно время, особенно в редакции журнала «Мир Искусства» поэта звали Also Sprach Baltruschaitis. Что она этим хотела сказать — непонятно¹¹². То ли, что Балтрушайтис — современный Заратустра, то ли: он — пародия на Ницше. Сходство между ними только в том, что и в фамилии Балтрушайтис, и в имени Заратустра по четыре слога.

Очень вдумчивую и верную оценку поэзии Балтрушайтиса дает известный литературный критик Ю.И. Айхенвальд. Отпечаток благородства и целомудрия, — пишет он, — лежит на строгом творчестве Балтрушайтиса. Оно не разнообразно в своих мотивах, его круг имеет определенный диаметр, но это именно тот круг, в который замкнуты все религиозные темы человечества, все интересы наших печалей и утешающей мудрости. Молитвенник мыслителя — сборники Балтрушайтиса; по ним совершается поэтическое богослужение. У поэта пристальный взгляд, сосредоточенная дума, он исключительно серьезен. Его умное вдохновение не восторжено, не пылко, но тем надежнее его глубина и постоянство. Все у него слишком значительно и существенно. Слова у него сжатые и скупые, суровые. Это добровольная скудость монаха, подвижника, это не отсутствие богатства, а отказ от него. Жизнь человеческого странника — борьба между началами цельности и дробления. Земной пилигрим хочет единства, слияния с миром, блаженного часа полноты, но прежде чем он вознесется в этой области великого целого, великого общего ему суждено жить в дробящих условиях времени и пространства, быть игрой частичности. Это перемежающееся в человеке земное и горное составляет одну из основных тем Балтрушайтиса¹¹³.

Проф. Д.Д. Благой отмечает в творчестве Балтрушайтиса мотивы одиночества. Великое сиротство человека в природе, его обособленность от всего остального мира, жизнь как непрерывное стояние над бездной, стремление раскрыть запретные тайны бытия — таковы наиболее типичные темы элегий и раздумий Балтрушайтиса. Изредка прорываются в его стихах мятежные голоса («на нашей мачте знамя мятежа», «раб мятежный», «вновь я брошу вызов бытию») для его поэзии характерно широкое приятие жизни, поклонение земле, жалкие хвалы святыне бытия. Суровая мужественность его взглядов на жизнь, как на долг суровый, беззаветно

¹¹¹ Перцов П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 291.

¹¹² См. прим. 86 на с. 104.

¹¹³ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 3. Новейшая литература. Берлин, 1923. С. 235–242 (с искажениями).

упорный труд. Человек «досоздающий», достраивающий мир — такова основная нота поэзии Балтрушайтиса. С упорством он призывает высекать лучи из серого камня, рвать гранит, равнять холмы. Характерно пристрастие его к образам, заимствованным из сельской трудовой действительности — сеятель, жница, серп, колос, зерно и др.¹¹⁴.

С.С. Розанов, посвятивший Балтрушайтису специальную монографию, определяет его общее философское мирозерцание термином теоцентризм¹¹⁵. Отмечая внутреннюю правду лирического творчества поэта, критик называет Балтрушайтиса поэтом-мыслителем, поэтом-философом. Его сборники стихов — это книги философской лирики. Стихию поэта Балтрушайтис сочетал в себе со стихией философа. Это содружество поэзии и философии составляет отличительную черту Балтрушайтиса. Он смотрит на кипень [sic] жизни, на хаотическое многообразие ее форм и явлений с горных вершин философичности. Он вне истории, вне пространства; он торжествует завидную поэтическую победу над скованностью во времени и пространстве. От частного, дробного, конкретного поэт-мыслитель протягивает нить к общему, целому и всеединому. Потаенно и долго вынашивает он свои мысли, шлифует свои эпитеты, чеканит свои образы; но зато как полновесны они, как выразительны в их нарочитой четкости. Убежденная религиозность сообщает необычайную торжественность его песням, и никогда не проронит он слова, которое оскорбило бы вас своей несерьезностью. Он исключительно сосредоточен. Но, сам религиозный, он затеплит искру религиозного озарения и в других. Его поэзия входит в душу, будто величавый удар колокола, будто молитвенный вздох органа. И один влекущий образ уносит с собой в свои жизненные скитания читатель, расставаясь с заключительными страницами Балтрушайтиса. Это прекрасный образ поэта, воздевающего трепетные руки к далеким звездам.

Мы привели здесь отзывы и высказыванья лишь наиболее известных и авторитетных русских литераторов, писавших о Балтрушайтисе. При желании эту сводку можно было значительно расширить. Но и приведенного достаточно для того, чтобы признать, как высоко расценивается критикой дарование нашего поэта-мыслителя и какое почетное место и значение отводится ему в поэзии. Мы не сомневаемся, что и теперь, среди трудов и забот своей дипломатической деятельности, Балтрушайтис не оставляет пера и находит время для поэзии. И когда в один прекрасный день он издаст плоды

¹¹⁴ Цитируется словарная статья Д. Благого (Литературная энциклопедия. М., 1929. Т. 1. С. 311).

¹¹⁵ Далее пересказываются положения книги: *Розанов С. Ю.* Балтрушайтис (силуэт). М., 1913.

своих поэтических дум за последние годы, мы, несомненно, увидим, насколько глубже и значительнее стало творчество Балтрушайтиса, обогащенное опытом государственной деятельности.

А.Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

Александра Николаевна Чеботаревская — родная сестра Анастасии Николаевны Чеботаревской-Сологуб, — кончила свою жизнь тем же роковым способом, как и последняя — на дне реки.

А.Н. была одной из образованнейших женщин нашего времени, отлично знала литературу, особенно французскую, прекрасно владела пером, тонко разбиралась в живописи, писала живые и содержательные статьи и очерки по вопросам искусства и поэзии.

Она родилась в Новом Осколе Курской губ. в 1870 году. Отец ее, известный адвокат Николай Николаевич Чеботаревский, занимался юридической практикой сначала в Курске, а затем в Москве. А.Н. окончила курс частной женской гимназии С.А. Арсеньевой, а затем поступила на историческое отделение так называемых коллективных уроков. В те времена женщины не допускались в университет, и министерство не разрешало открытия высших женских курсов. В обход этих административных рогаток проф. Герье открыл «коллективные уроки» с целым рядом отделений — тех же факультетов — и А.Н. была одной из первых слушательниц этих курсов. Громадной жажды знаний, острого пытливого ума и избытка умственной энергии А.Н. не могли удовлетворить московские уроки, и Чеботаревская переезжает во Францию. В Париже она слушает лекции по истории и литературе в университете и в Collège de France, вся отдается изучению излюбленных научных дисциплин, возвращается в эмигрантских политических кругах, где руководящую роль играет А.В. Луначарский и его единомышленники¹¹⁶. По воз-

¹¹⁶ Политическая неблагонадежность Чеботаревской в 1890-е годы находит подтверждение в архиве Департамента полиции: «Из дел Московского Охранного Отделения усматривается, что домашняя учительница, дочь коллежского асессора Александра Николаева Чеботаревская приходится родной сестрой известной Департаменту Полиции Ольги Николаевны Черносвитовой, жены бывшего студента Московского Университета Николая Николаева Черносвитова, состоящего под негласным надзором полиции и проживающего ныне за границей. По имеющимся в делах отделения сведениям, к числу знакомых Чеботаревской принадлежат следующие политически неблагонадежные лица: жена титулярного советника Елена Николаевна Каменецкая, известная, между прочим, по делу о «Южно-русском рабочем союзе»; жена врача Софья Николаевна Луначарская, о нежелательности допущения коей к преподаванию в вышеозначенных Пречистенских классах я сообщил Департаменту Полиции

вращении в Россию А.Н. всецело уходит в литературную работу и в общественную деятельность, нимало не заботясь о благах личной жизни. В девятисотых годах она принимает активное участие в занятиях Московской Комиссии по организации домашнего чтения, которая при отсутствии в Москве живой общественной жизни и мертвеном политическом затишье играла огромную роль. Ею руководил известный профессор-историк П.Г. Виноградов. А.Н. работала в «Русской Мысли» и в «Русских Ведомостях», в «Народном Пути»; была избрана в действительные члены Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете¹¹⁷. Из ее работ по искусству особенной законченностью, четкостью и тонкостью отличалась статья: «Беклин и его искусство»¹¹⁸, написанная в то время, когда увлечение творчеством этого своеобразного мюнхенского художника охватило широкие круги русской интеллигенции. Другая статья по живописи была посвящена художнице Марии Васильевне Якунчиковой, связанной с Чеботаревской узами тесной личной дружбы¹¹⁹. Из историко-литературных очерков А.Н. необходимо указать на две превосходные работы: «Французская лирика в 19 столетии»¹²⁰ и «Жизнь Мопассана»¹²¹. Последнего А.Н. высоко ценила и перевела множество его произведений. Превосходным образцом переводов А.Н. может служить перевод «Мадам Бовари» Флобера, исполненный, по отзывам специалистов, с тонким пониманием духа французского языка и чрезвычайно удачно передающий все литературные нюансы флюберовского стиля. С французского А.Н. переведены еще: роман Ан. Франса «Комическая история», много рассказов А. Франса; «Лики дьявола» Барбье, д'Оревилли, «Исповедь простого человека» Гильомена и пр. Из немецких авторов А.Н. переводила Вассермана («Над жизнью»), Ген-

отношением от 9 минувшего Января за № 300, и известный своими марксистскими убеждениями сын статского советника Василий Григорьев Михайловский» (ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1899. Ед. хр. 336. Л. 1–1 об.). Упомянутая здесь С.Н. Луначарская — жена родного брата будущего наркома.

¹¹⁷ Чеботаревская избрана действительным членом общества 20 января 1908 г. (см.: Словарь членов Общества Любителей российской словесности. М., [1911]. С. 307). Весьма любопытные протоколы обсуждения ее кандидатуры, состоявшегося 15 декабря 1907 г., см.: РГБ. Ф. 207. Карт. 15. Ед. хр. 37.

¹¹⁸ *Чеботаревская А. Бёклин и его искусство* // Русская мысль. 1903. № 5. 2-я паг. С. 109–137.

¹¹⁹ *Чеботаревская Ал. Художник-друг (Посмертная выставка произведений М.В. Якунчиковой)* // Русская мысль. 1905. № 4. 2-я паг. С. 169–172.

¹²⁰ *А.Ч. Французская лирика в XIX столетии* // Русская мысль. 1894. № 7. Отд. II. С. 44–59; № 8. Отд. II. С. 107–124; № 10. Отд. II. С. 40–55.

¹²¹ *Чеботаревская Ал. Жизнь Мопассана* // Русская мысль. 1908. № 11. Отд. II. С. 82–111.

риха Манна («Злые») и др. Из научных книг, переведенных Чеботаревской, хорошее распространение получили монография Поля Гиро «Фюстель-де-Куланж» и Де-Роберти «Новая постановка основных вопросов социологии».

Невозможно перечислить все библиографические рецензии и критические отзывы по текущей русской и иностранной литературе, которые помещались А.Н. в течение всей ее жизни в различных периодических изданиях, и вскрывали самое основное ядро в художественном творчестве оцениваемого автора, его главные литературные свойства и наиболее характерные писательские черты.

* * *

В феврале 1925 года скончался М.О. Гершензон; его преждевременная кончина опечалила всех ценителей этого тончайшего мастера пера, изумительного литературного критика, и изысканного художника слова, в прекрасных образах воссоздавшего облики лучших русских людей 19 века: Пушкина, Грибоедова, Чаадаева, Печерина, декабриста Кривцова и др. А.Н. Чеботаревская некогда была слушательницей и ученицей М.О. Гершензона¹²², и высоко ценила труды и личность М.О. как писателя, философа и идеалиста. Смерть Гершензона потрясла Чеботаревскую и, как говорят близкие люди, вывела ее из состояния душевной уравновешенности. Я помню гражданскую панихиду по Гершензону в Академии Художественных Наук на Пречистенке¹²³. В белом ампирином зале Академии, утопая в зелени лавровых деревьев и в живых цветах похоронных венков, стоял гроб с телом М.О. У гроба московские писатели несли почетный караул. Хор пел реквием, и его величавые звуки, сливаясь с запахом гиацинтов, создавали торжественно скорбное настроение, объединявшее всех присутствующих в одном общем чувстве горестной утраты дорогого писателя. Друзья и почитатели М.О. говорили прощальные, надгробные слова. Ораторы сменяли друг друга. К гробу подошла А.Н. Чеботаревская. Ее глаза болезненно блуждали; в голосе слышался надрыв, в словах чувствовалась истерика. От пристального наблюдателя и внимательно слушающего уже тогда не могли ускользнуть в речи А.Н. намечающиеся признаки психического расстройства и явные симптомы приближающегося религиозного помешательства. Здесь говорили

¹²² Никогда не преподававший Гершензон учеников не имел вплоть до конца 1910-х годов; с Чеботаревской они познакомились по делам Комиссии по организации домашнего чтения и приятельствовали с первых годов XX века.

¹²³ Панихида по Гершензону в ГАХН состоялась 21 февраля 1925 г. (см.: *Аицкин Н.* Заметки о виденном и слышанном / Публ. и коммент. Е.А. Муравевой // Новое лит. обозрение. 1998. № 33. С. 234).

о том, — так начала свою речь А.Н., — чему служил покойный Михаил Осипович, кого он любил, каких поэтов он предпочитал. Я скажу, что он служил одному Богу, любил и предпочитал только Бога. И мы должны следовать его примеру. Так жить, как мы живем, нельзя, так жить нельзя. Россия теряет всех своих великих людей; мы потеряли горячее сердце Ленина. Кончина Мих. Осип. должна послужить нам всем напоминанием, что мы должны измениться, возродиться. Мы должны оглянуться на свою жизнь, подумать о себе, и выйдя из этой залы, сейчас же, не откладывая ни на минуту, дать друг другу слово отречься от суетной жизни и служить Богу. «Так жить нельзя», — еще раз громко, настойчиво и болезненно повторила А.Н. В словах говорившей уже чувствовалась некая обреченность. И не прошло трех недель, как А.Н. покончила расчеты с жизнью.

13 марта рано утром, около 6 часов она ушла из дому¹²⁴. Домашние искали ее в комиссариатах, заявили в Уголовный розыск.

¹²⁴ В литературе в качестве даты гибели Чеботаревской утвердилось 22 февраля, день похорон Гершензона; ср., напр., в примечаниях О. Дешарт: «Неожиданно Гершензон умер, 19 февраля 1925 г. В большом зале Гос[ударственной] Академии художественных наук 22 февраля состоялось отпевание: М.О. Гершензон был председателем литературного отдела Академии. Его любили. Чувствовалась настоящая грусть и сердечность в переполненной зале, не нарушенная некоторой официальной торжественностью обстановки. Все речи сопровождались песнями превосходного хора Б.Л. Яворского. Вдруг к месту, близ гроба, откуда произносились речи, ринулась Чеботаревская; указывая простертой рукой на умершего, она закричала: “Вот он! Он открывает нам единственно возможный путь освобождения от этого ужаса! За ним! За ним!” И она стремглав дико убежала. Бросились ее догонять друзья; среди них Ю.Н. Верховский, Н.К. Гудзий. В течение нескольких часов они за нею гонялись по улицам, подворотням, лестницам. Наконец, хитростью безумия ей удалось от них скрыться. В тот же день вечером нашли ее мертвое тело в Москве-реке» (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 725). В действительности, кажется, прав Кара-Мурза, относя ее самоубийство к 13 марта; ср. в письме Г.И. Чулкова к И.А. Новикову, датированном этим же днем: «Скончалась Александра Николаевна Чеботаревская. Она бросилась с моста в реку. Сейчас ее тело находится в Шереметьевской больнице. О дне погребения надо узнать у ее сестры, Татьяны Николаевны Чеботаревской. Ее телефон 5.62.28» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 944. Л. 21). Впрочем, с этим не сочетается письмо М. Шкапской к М. Волошину, недвусмысленно датированное 10 марта 1925 г.: «В Союзе у нас председательствует Сологуб, за этот год очень привязалась к старику, он совершенно замечательный. Его постигло очень большое горе — две недели назад утопилась в Москве-реке сестра Анастасии Николаевны — Александра Николаевна Чеботаревская, ее спасли, но она умерла через 3 часа от слабости сердца. Старик остался одиноким, но с еще большим жаром ведет в союзе общественную работу, входит в ряд комиссий, не пропускает ни одного заседания, на всех председательствует и как-то особенно по-хорошему дру-

Но одна из сестер Чеботаревской — женщина-врач¹²⁵, давно уже замечавшая психическую неуравновешенность сестры, сразу почувствовала катастрофу и, памятуя кончину Анастасии Николаевны Сологуб, бросившейся в Неву, прямо пошла на Москва-реку искать сестру по всем мостам и пристаням. Инстинкт ее не обманул. У Каменного моста ей сообщили, что дежурный матрос на спасательной станции заметил пожилую женщину, кинувшуюся в прорубь. Она осторожно, стараясь быть незамеченной, спустилась под мост, по льду несколько ускорила шаги и исчезла под водой. Матрос немедленно сел в лодку, поплыл за женщиной, бросился под лед и вытащил ее. Она еще была жива. Ее отвезли в ближайшую аптеку, где приняли первые меры к спасению ее жизни. Но вернуть ее к сознанию не удавалось, и утопленницу отправили в Шереметьевскую больницу, где снова попытались привести ее в чувство. Но напрасно. Жизнь не вернулась к А.Н., и через два часа она скончалась. В больнице было сделано медицинское вскрытие трупа А.Н., обнаружившее в картине мозга некоторые отклонения от нормы.

«Зовет вода» — так по-народному можно было бы определить состояние А.Н. перед смертью. Несомненно, что и Анастас. Никол. и Алекс. Никол. Чеботаревские слышали «зовы воды». В воскресенье 15 марта кружок писателей и друзей покойной проводил А.Н. на Ваганьковское кладбище. Это были драматические похороны. Гроб А.Н. положили рядом с могилой матери (урожденной Берлизовой), покончившей самоубийством путем повешения, и могилой брата, погибшего от револьверной пули¹²⁶. На минутку в ограде московского кладбища повеяло духом трагедии в шекспировском стиле.

Литература

Автобиографии деятелей книги в собрании С.А. Венгерова. Публикация М.Д. Эльзона // Книга. Исследования и материалы. Сборник XXIX. М., 1974. С. 156–157.

Адашкина Н.Л. Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // Третьяковские чтения. 2012. Материалы научной конференции. М., 2013. С. 173–176.

жит с молодежью» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1303. Л. 38 об.). В московских газетах нет сведений об этой трагедии ни в первую дату, ни во вторую.

¹²⁵ Чеботаревская Татьяна Николаевна (1878–1968) — детский врач, много лет проработавшая в детской Морозовской больнице. Год рождения (отличающийся от обычно принятого в литературе) устанавливается по профильному справочнику: Российский медицинский список... на 1913 год. СПб., 1913. С. 573.

¹²⁶ Мать Чеботаревских покончила с собой в возрасте 29 лет. О самоубийстве одного из братьев Чеботаревских мы имеем лишь опосредованные сведения; см. коммент. М.М. Павловой к воспоминаниям В. Вересаева о Сологубе (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2013 г. СПб., 2014. С. 477).

Аиукин Н.С. Заметки о виденном и слышанном / Публ. и коммент. Е.А. Муравьевой // Новое лит. обозрение. 1999. № 33, 36.

Берд Р. Неизданный текст Вячеслава Иванова о «Предварительном Действе» А.Н. Скрябина // Русская литература. 2006. № 3. С. 147–151.

«Бесконечно дорогое, родное и любимое дело»: дневник букиниста и коллекционера Э.Ф. Ципельзона / Публ. и предисл. О. Андреевой // Библиофилы России. Альманах. М., 2009. Том VI.

[Брюсов В.Я.] Переписка с С.А. Поляковым (1899–1921) / Вступ. ст. и коммент. Н.В. Котрелева. Публ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир // Литературное наследство. М., 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 5–136.

Бурлок Д.Д. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011.

Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М., 1955.

Иванова Е.В. История одной переписки // Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 25. С. 175–186.

Из несобранных и неопубликованных стихотворений Юргиса Балтрушайтиса / Подготовил Ю. Тумялис // *Literatūra ir kalba*. XIII: Lietuvių poetikos tyrinėjimai. Vyr. redaktorius K. Korsakas. Vilnius: Vaga, 1974. P. 339–341; электронная републикация: http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_14.html

Забурдаев Н.А. Автографы М. Горького // Горьковские чтения. 1953–1957. М.: Из-во АН СССР, 1959.

Кара-Мурза С.Г. Русское общество друзей книги (Московские библиофилы). Воспоминания. М., 2011.

Коонен А. Страницы жизни. М., 2003.

Лавров А.В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007.

Лавров А.В. Мирэ // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 90–91.

Лавров А.В. Новонайденные письма Анастасии Чеботаревской к Федору Сологубу // Федор Сологуб. Разыскания и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2016.

Лидин В.Г. Друзья мои — книги: Заметки книголюбца М.: Современник, 1976. 382 с.

Макарухина Н.М. Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Кн. первая. Симферополь, 2012.

Маковский С. Портреты современников. М., 2000.

Малмстад Д. Переписка В.Ф. Ходасевича с А.В. Бахрахом // Новое лит. обозрение. 1993. № 2. С. 170–205.

Марков А. Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004.

Михайлова М.В. «Я женщина с головы до ног...» (Творческий портрет писательницы А. Мирэ) // Время Дягилева. Универсалии серебряного века. Третьи Дягилевские чтения. Материалы. Выпуск 1. Пермь, 1993. С. 197–208.

Михайлова М.В. Публикации Мирэ в газете «Нижегородский листок» // Жизнь провинции как феномен русской духовности. Нижний Новгород, 2003. С. 23–26.

Молодяков В. Вокруг Брюсова: инскрипты и маргиналии // Библиофилы России. Альманах. М., 2016. Т. XII. С. 113–145.

Рыбакова Ю.П. В.Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества. СПб., 1994.

Сабанев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. М., 2000.

References

“Avtobiografii deiatelei knigi v sobranii S.A. Vengerova”, publ. by M.D. El’zon. *Kniga. Issledovaniia i materialy*. Issue XXIX. Moscow, 1974, pp. 156–157.

- Adaskina N.L. "Sodruzhestvo muz. Literaturno-khudozhestvennyi kruzhok Kara-Murzy". *Tret'iakovskie chteniia*. 2012. *Materialy nauchnoi konferentsii*. Moscow, 2013, pp. 173–176.
- Ashukin N.S. "Zametki o vidennom i slyshanom", publ., comm. by E.A. Murav'eva. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1999. No 33, 36.
- Berd R. "Neizdannyy tekst Viacheslava Ivanova o «Predvaritel'nom Deistve» A.N. Skriabina". *Russkaia literatura*. 2006. No 3, pp. 147–151.
- "«Beskonechno dorogoe, rodnoe i liubimoe delo»: dnevnik bukinista i kollektionera E.F. Tspel'zona", publ., introd. by O. Andreeva. *Bibliofily Rossii. Al'manakh*. Moscow, 2009. Vol. VI.
- [Briusov V.Ia.] "Perepiska s S.A. Poliakovym (1899–1921)", introd., comm. by N.V. Kotrelev; publ. by N.V. Kotrelev, L.K. Kuvanova, I.P. Iakir. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, 1994. Vol. 98: "Valerii Briusov i ego korrespondenty". Book 2, pp. 5–136.
- Burliuk D.D. *Pis'ma iz kolleksii S. Denisova*. Tambov, 2011.
- Gitovich N.I. *Letopis' zhizni i tvorchestva A.P. Chekhova*. Moscow, 1955.
- Ivanova E.V. "Istoriia odnoi perepiski". *Al'manakh bibliofila*. Moscow, 1989. No 25, pp. 175–186.
- "Iz nesobrannykh i neopublikovannykh stikhotvoreniĭ Iurgisa Baltrushaitisa", ed. Yu. Tumialis. *Literatūra ir kalba*. XIII: "Lietuvių poetikos tyrinėjimai", vyr. redaktorius K. Korsakas. Vilnius: Vaga, 1974, pp. 339–341. Online at http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_14.html
- Zaburdaev N.A. "Avtografy M. Gor'kogo". *Gor'kovskie chteniia. 1953–1957*. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1959.
- Kara-Murza S.G. *Russkoe obshchestvo druzei knigi (Moskovskie bibliofily). Vospominaniia*. Moscow, 2011.
- Koonen A. *Stranitsy zhizni*. Moscow, 2003.
- Lavrov A.V. *Andrei Belyi. Razyskaniia i etudy*. Moscow, 2007.
- Lavrov A.V. "Mire". *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Moscow, 1999. Vol. 4, pp. 90–91.
- Lavrov A.V. "Novonaidennye pis'ma Anastasii Chebotarevskoi k Fedoru Sologubu". *Fedor Sologub. Razyskaniia i materialy*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016.
- Lidin V.G. *Druz'ia moi — knigi: Zametki knigoliuba*. Moscow: Sovremennik Publ., 1976. 382 p.
- Makarukhina N.M. *Gurzuf — pervaiia zhemchuzhina luzhnogo berega Kryma. Kniga pervaiia*. Simferopol', 2012.
- Makovskii S. *Portrety sovremennikov*. Moscow, 2000.
- Malmstad D. "Perepiska V.F. Khodasevicha s A.V. Bakhrakhom". *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1993. No 2, pp. 170–205.
- Markov A. *Magiia staroi knigi. Zapiski bibliofila*. Moscow, 2004.
- Mikhailova M.V. "«Ia zhenshchina s golovy do nog...» (Tvorcheskii portret pisatel'nitsy A. Mire)". *Vremia Diagileva. Universalii serebrianoego veka. Tret'i Diagilevskie chteniia. Materialy*. Issue 1. Perm', 1993, pp. 197–208.
- Mikhailova M.V. "Publikatsii Mire v gazete Nizhegorodskii listok". *Zhizn' provintsii kak fenomen russkoi dukhovnosti*. Nizhnii Novgorod, 2003, pp. 23–26.
- Molodiakov V. "Vokrug Briusova: inskripty i marginalia". *Bibliofily Rossii. Al'manakh*. Moscow, 2016, vol. XII, p. 113–145.
- Rybakova Iu.P. *V.F. Komissarzhevskaiia. Letopis' zhizni i tvorchestva*. St.-Petersburg, 1994.
- Sabaneev L.L. *Vospominaniia o Skriabine*. Moscow, 2000.

From the Memories by S. Kara-Murza*Alexander L. Sobolev*

Abstract: First publishing of the memorial sketches by Sergei G. Kara-Murza (1878–1956) — a journalist, theatre critic, bibliophile, that were to become a part of his unfinished (or rather surviving with missing parts) book *Literary Recollections*. The chapters published herewith tell about the meetings with Chekhov, “the tragic figure of the Russian literature” A.M. Moiseeva (Mire), the tragic fate of A. Chebotarevskaya, and about Yuri Blatrushaitis. The foreword offers the author’s brief biography. The publication is to be continued in the next issue of the *Literaturny Fact*.

Keywords: biographical documents, Russian literature of the early XXth century, S.G. Kara-Murza, Anton Chehov, Mire (A.M. Moiseeva), Iu.K. Baltrushaitis, Al. N. Chebotarevskaia.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com